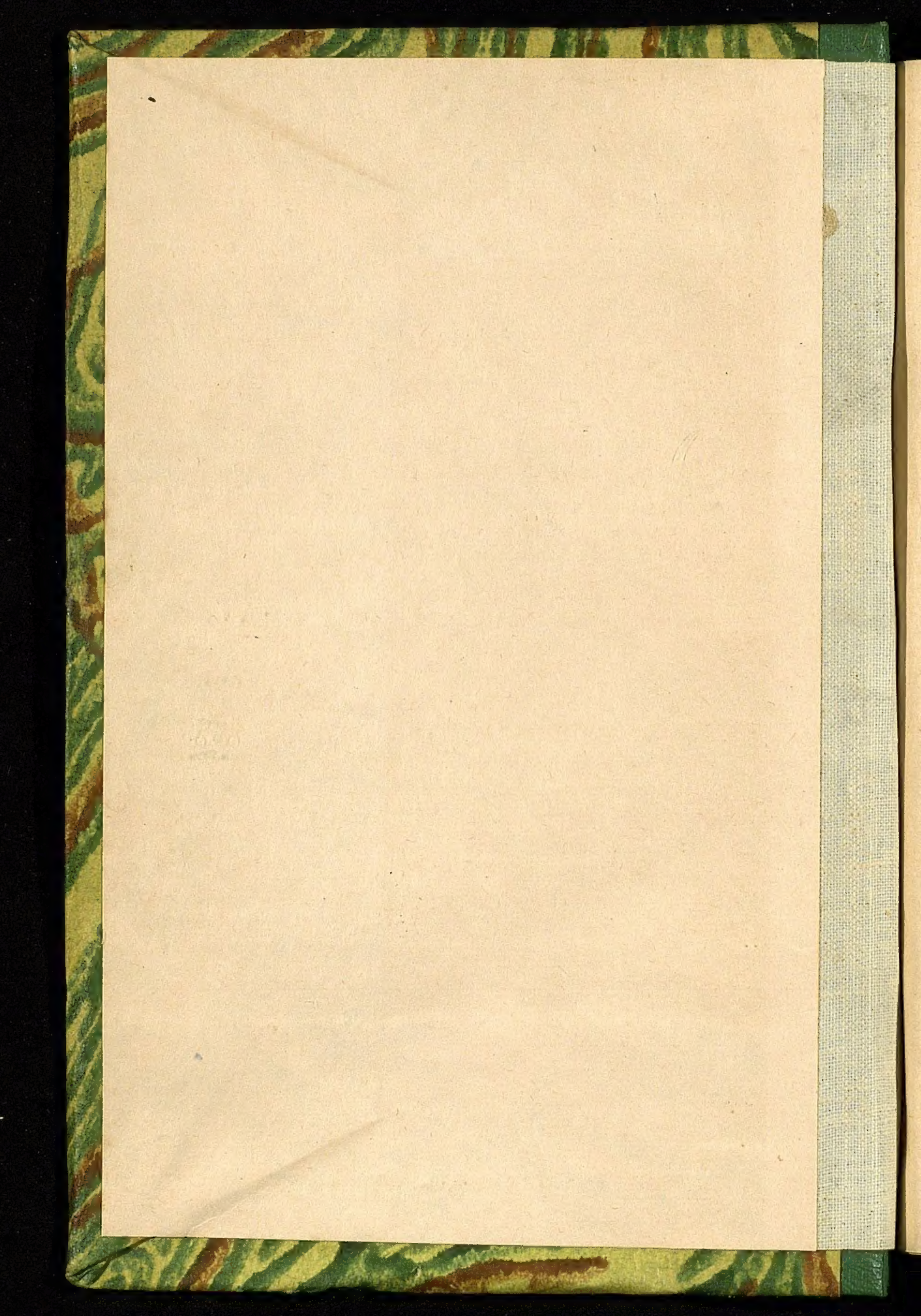
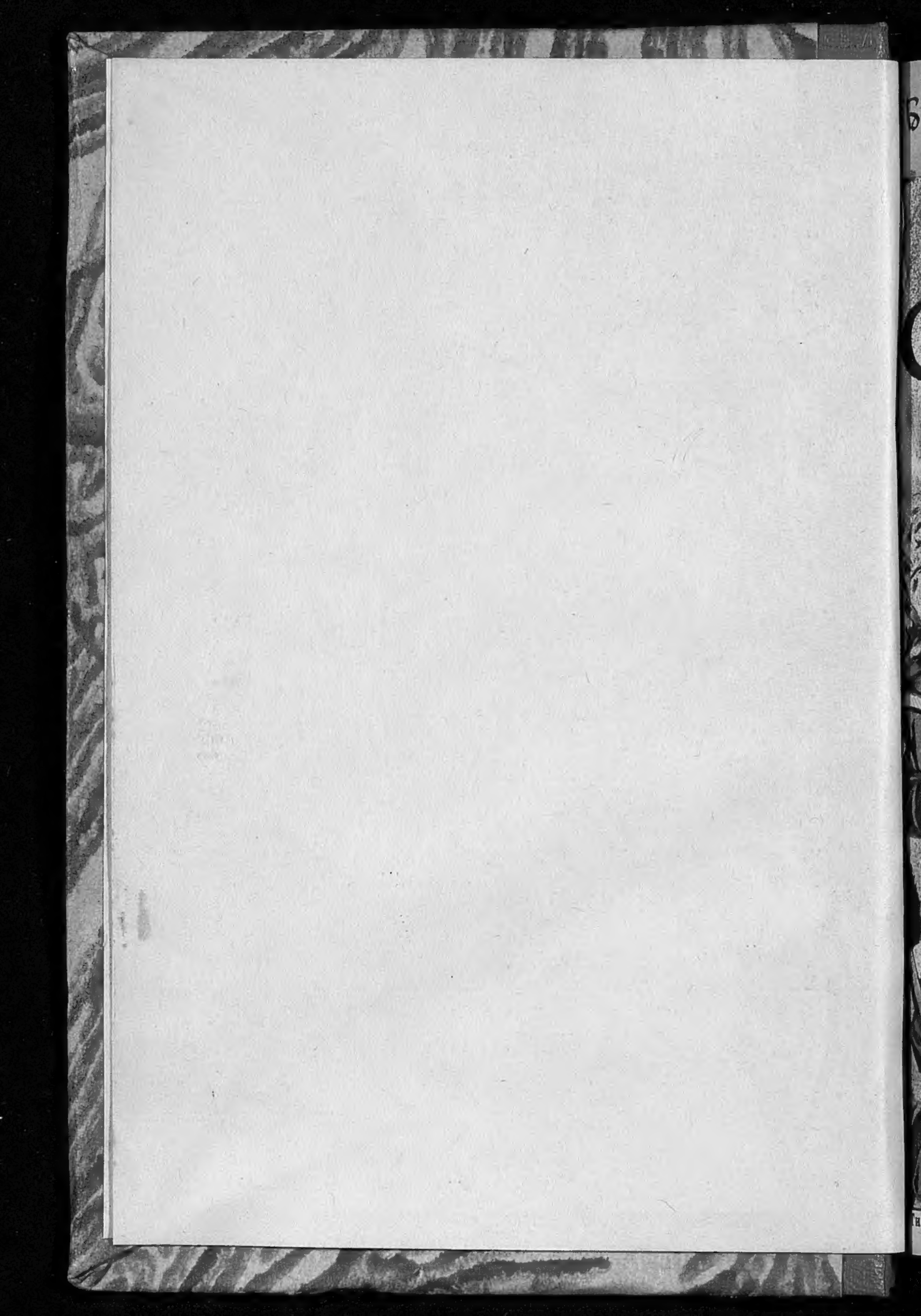

Типо-Литографія А. П. КОРКИНА, Москва, Донская, соб. домъ. Телефонъ № 260.

АТАМАНЪ

ПЛАТОВЪ.

„Платовъ бороду обрилъ
у французовъ въ гостяхъ былъ“.
(*Народная пѣсня*).

Изданіе книгопродавца А. Д. Сазонова.

МОСКВА.
Тип. Ф. И. Филатова, Срѣтенка, Колокольников пер., д. № 26.
1910.

I.

Солнце быстро двигалось къ закату, какъ будто уже очень непріятно ему было глядѣть на землю, видъ которой и дѣйствительно не представлялъ какъ говорится, ни красы, ни радости въ серединѣ марта 1812 года. Весна хотѣла быть, повидимому, ранней, такъ какъ еще въ первыя числа марта показались проталины и затѣмъ снѣгъ поспѣшно началъ распускаться подъ вліяніемъ лучей весенняго солнца. Дорога испортилась совершенно; первое время еще хорошо было ѣздить ночью и раннимъ утромъ по „насту“, образовавшемуся отъ заморозковъ, но потомъ прекратились и эти, такъ выручавшіе путешественниковъ, заморозки и безпутица была полнѣйшая.

Богатое подмосковное село Коврово, подобно и всѣмъ окрестнымъ селамъ и деревнямъ, все утопало въ грязи; надо было имѣть своего рода геройство, чтобы перейти отъ одной избы къ другой. Не было ли особенной надобности къ этимъ переходамъ, или не находилось такихъ героевъ, только улица села была совершенно безлюдно. Досужій наблюдатель могъ бы просидѣть часъ, два, три для

того, чтобы примѣтить кого-либо на улицѣ и все таки онъ просидѣлъ бы никого не дождавшись, никого не увидѣвъ. Развѣ только изрѣдка поднималось оконцо въ какой-нибудь избенкѣ и изъ окошка выглядывала на нѣсколько минутъ чья-нибудь голова. Да видно было, что и эта показавшаяся голова выглядывала безъ всякой цѣли, потому что, посмотрѣвъ немного передъ собой, потомъ повернувшись направо, потомъ налѣво, голова скрывалась опять и окошко опускалось. Однимъ свиньямъ было полное раздолье на улицѣ Коврова: онѣ наслаждались вдоволь, уходя въ грязь чуть ли не по самыя уши. Какимъ то образомъ среди свиней оказалась тощая-претощая лошадь съ выдавшимися ребрами, она стояла среди улицы, низко опустивъ голову, какъ будто раздумывая, зачѣмъ она попала сюда и не лучше ли будетъ идти во дворъ. Одно только могло порадовать взоръ наблюдателя на Ковровской улицѣ, это веселыя струйки воды, проложившія себѣ узенькую извилистую дорожку среди солнечныхъ мартовскихъ лучей солнца.

Вотъ у не особенно большого, но очень красиваго и видимо почти новенькаго дома священника, медленно отворилась калитка и изъ нея вышелъ самъ батюшка. Вышедши изъ калитки, онъ остановился на маленькихъ дощечкахъ, накладенныхъ у воротъ и ушедшихъ на половину въ грязь и окинулъ взоромъ улицу. На батюшкѣ былъ только одинъ подрясникъ, который былъ поднятъ такъ высоко, что позволялъ видѣть длинные, почти до колѣнъ доходившіе, сапоги, въ рукахъ у батюшки былъ не тотъ посохъ, съ которымъ онъ ходилъ

обыкновенно, но простая, толстая суковатая палка. Сразу можно было догадаться, что онъ куда-нибудь намѣревался отправиться.

Постоявъ нѣсколько время какъ бы всматривая, гдѣ удобнѣе пройти, и покачавъ, наконецъ, головой, батюшка, должно быть, порѣшилъ, что выбирай не выбирай мѣстечка поудобнѣе для ходьбы, толкъ будетъ одинъ и тотъ же и потому безстрашно двинулся по срединѣ улицы, уходя своими сапогами на вѣрную четверть аршина въ липкую грязь, и медленно съ помощью палки, на которую сильно опирался, вытаскивая и передвигая ноги.

Временами батюшка останавливался и палкой сбивалъ комки грязи, прилипшіе къ сапогамъ; раза два подходилъ онъ къ мутнымъ лужамъ и обмывалъ сапоги.

„Куда же бы шелъ батюшка?“ Этотъ вопросъ интересовалъ всѣхъ крестьянъ, которые, лѣниво высовываясь изъ оконцевъ, кланялись ему и долго потомъ провожали его глазами.

Но никто изъ крестьянъ не счелъ удобнымъ предложить этотъ интересовавшій ихъ вопросъ батюшкѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не дошелъ до одного большого крестьянскаго дома, гдѣ жилъ первый богачъ по селу, маляръ-подрядчикъ, ходившій по оброку въ Москву и державшій каждую весну и лѣто человѣкъ по двадцати, тридцати мастеровъ.

Маляръ этотъ былъ Ѳома Петровъ Туколкинъ, высокій, ровный мужикъ, лѣтъ сорока, съ красивыми румяными щеками, кудрявыми бѣлокурыми волосами и широкою окладистою бородою. Работая по веснамъ и лѣтамъ въ Москвѣ Ѳома Петровъ

каждогодно позднею осенью пріѣзжалъ въ Коврово для того, чтобы отдохнуть въ своемъ чистенькомъ домикѣ до начала малыхъ весеннихъ заботъ.

По пріѣздѣ въ село Туколкинъ первымъ долгомъ отправлялся къ управляющему въ церковь, откуда батюшка уже непремѣнно приглашалъ его выпить чайку въ свой домъ.

Оброкъ Туколкинъ высылалъ еще изъ Москвы, но шелъ къ управляющему для того, чтобы порядокъ соблюсти и кстати передать ему и семейству его нѣкоторые подарки, безъ которыхъ Туколкинъ изъ Москвы не являлся никогда, считая это неприличнымъ.

Какъ истинный христіанинъ, Туколкинъ вѣрилъ что его дѣла идутъ успѣшно не благодаря только одному его умѣнью, но видѣлъ въ этомъ благодать Божію, а потому всегда по пріѣздѣ въ родное село посѣщалъ и церковь, считая себя обязаннымъ сдѣлать какое либо пожертвованіе въ храмъ и подарочекъ священнику отцу Василію.

Много воздуховъ, кадилъ, подсвѣчниковъ въ церкви было пожертвовано Туколкинымъ. и не одна батюшкина ряса была сдѣлана изъ матеріи, привезенной имъ же, Туколкинымъ, изъ Москвы; а потому Туколкинъ съ батюшкой были въ очень дружественныхъ отношеніяхъ.

— Здраствуйте, батюшка!—раздался звонкій голосъ Туколкина въ открытую половинку окна, когда отецъ Василій поровнялся съ домомъ Тутолкина.

— Здорово, Ѳома Петровичъ, здорово?..

— Ни ко мнѣ ли, батюшка, пробираетесь?!

Зайдите чайку попить. Поглядите, я весну думаю встрѣчать: окна выставили!

— Раненько, Өома Петровичъ?

— Самъ знаю, батюшка, что раненько. Да у меня всегда такъ; потому скоро надо въ Москву ѣхать, такъ чтобы бабамъ поменьше работы было. Зайдите, батюшка, на минутку; самоварчикъ мигомъ спроворимъ!

— Спасибо, Өома Петровичъ, да некогда: тороплюсь.

— Но ужъ по такой грязи не больно поторопишься. Да сколь далеко идете-то? По всему видно, не съ требой!

— Какой съ требой! Пробиваюсь въ господское имѣніе; надо очень повидать Николая Павловича!

— Да, вѣдь, Николай Павлычъ уѣхалъ на почтовую станцію; мнѣ это вчера вечеромъ еще дѣдушка Климъ говорилъ.

— Точно что уѣхалъ,—продолжалъ священникъ, стоя средь улицы и обтирая вспотѣвшее лицо клѣчатымъ платкомъ;—точно уѣхалъ, а мнѣ сейчасъ дьячкова жена говорила, что онъ ужъ и вернулся. Да вернулся, говоритъ въ сильномъ разстройствѣ!

— Что жъ бы это такое!— полувопросительно сказалъ Туколкинъ: по имѣнію, кажись, все слава Богу, развѣ у господъ, храни ихъ Богъ, что нибудь непріятное могло случится?

— Ничего не знаю, Өома Петровичъ, Вотъ повидаю Николая Павловича, тогда видно будетъ!

Съ этими словами батюшка снялъ скуфейку, надвинутую у него по самыя брови и началъ прощаться съ Өомой Петровымъ.

— На обратномъ то пути милости просимъ!—

кричалъ, еще болѣе высовываясь въ окно Ѳома Петровъ.

— Коли не поздно будетъ, непремѣнно зайду, — отвѣчалъ священникъ, надвигая себѣ на лобъ скуфейку.

Окошко въ домѣ Ѳомы Петрова захлопнулось, а священникъ опять началъ погружать свои ноги въ грязь и затѣмъ вытаскивать ихъ изъ нея, стараясь достичь до господскаго имѣнія, роскошный паркъ котораго и зеленыя желѣзныя крыши построекъ виднѣлись менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ села Коврова.

II.

Николай Павловичъ Варенцовъ, управляющій имѣніемъ Павла Константиновича Грибкова, только что пріѣхалъ съ почтовой станціи и въ волненіи быстро ходилъ по небольшой зальцѣ въ отведенномъ собственно для него одного флигелькѣ особнячкѣ позади господскаго дома. Въ уютномъ просто убранномъ зальцѣ все было чисто, привѣтливо и всегда подчиняясь разъ заведенному порядку, стояло на своихъ мѣстахъ. На окнахъ стояли горшки съ пальмами, олеандрами и кактусами. надъ ними висѣли двѣ клѣтки съ канарейками, которыя пугливо забрались на жердочку и смущенно поглядывали на взволнованнаго ходящаго изъ угла въ уголъ хозяина, какъ бы боясь пѣніемъ своимъ побезпокоить его и прервать теченіе его думъ. Не такъ деликатенъ былъ большой, мѣдный, пузатый ярко вычищенный самоваръ, стоявшій на кругломъ столѣ передъ диваномъ; этотъ самоваръ, казалось, нисколько не обращалъ вниманія на волненіе Ни-

колая Павловича и гудитъ безъ умолку, какъ бы пытуясь сказать: зачѣмъ вы меня напрастно безпокоили? поставили, я поспѣлъ и вотъ уже несколько времени стою на столѣ, а на меня никто никакого вниманія не обращаетъ. Хозяинъ, дѣйствительно, продолжая ходить изъ угла въ уголъ. кажется совсѣмъ забылъ о чаѣ, до котораго онъ въ обыкновенное время былъ страстный охотникъ; налитый стаканъ такъ и остылъ, оставаясь нетронутымъ. Николай Павлычъ подошелъ къ столу, потрогалъ стаканъ рукою и увидѣвъ, что онъ совершенно остыкъ, съ ожесточеніемъ вылилъ чай въ полоскательницу и наливъ стаканъ вновь, сѣлъ на диванъ.

Николай Павлычъ варенцовъ былъ старичекъ лѣтъ 6 или нѣсколько болѣе, онъ былъ средняго роста, сутуловатъ, бороду и баки брилъ, оставляя только одни густые изъ желта сѣдые усы, волосы стригъ гладко, подъ гребенку. Несмотря на свои густые усы и густыя-же сѣдыя нависшія надъ глазами брови Николай Павлычъ не только не казался суровымъ, но прямо-таки выглядывалъ совсѣмъ добрымъ человѣкомъ. Всякій при первомъ Же взглядѣ на Николая Павловича подумалъ бы:

— Вотъ душа то человѣкъ должно быть. —Николай Павловичъ долго служилъ въ арміи и вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана. Онъ происходилъ изъ небогатыхъ малороссійскихъ дворянъ однодворцевъ; отца своего Николай Павловичъ никогда не помнилъ, такъ какъ потерялъ его еще будучи ребенкомъ по второму году. По смерти отца воспитаніе Варенцова всецѣло осталось на матери, которая души не чаяла въ своемъ Колинькѣ. Не

велики ея были доходы; да немного было ей и надо: бѣлья да платья и одежды у ней столько, что въ жизни свою не переносить, а гнаться за модой да передѣлывать или дѣлать что нибудь вновь Наталья Петровна не любила; уголъ у Натальи Петровны былъ свой. Только и заботы было у ней, чтобы прокормиться съ любимымъ сынкомъ, да побаловать его иногда кое-чѣмъ; на это, на все, слав Богу, хватало. Такъ и жили мать съ сыномъ поч ти никуда не выѣзжая и не выходя, кромѣ приход ской церкви и сама никого не принимая, развѣ за весьма рѣдкими исключеніями. Сама Наталья Петровна была не изъ особенно грамотныхъ женщинъ но все таки понимала отлично, что сына своего оставить неграмотнымъ ей было нельзя; понимала это Наталья Петровна и какъ только Колѣ пошелъ девятый годъ, она уговорилась со священникомъ, чтобы онъ присылалъ къ ней своего сына для обученія Колѣ грамотѣ.

Коля особенными способностями и прилежаніемъ не отличался, хотя въ тоже время никто не могъ сказать чтобы онъ былъ тупой мальчикъ или лѣнтяй. Молодой учитель никогда не притѣснялъ Колю и потому мальчикъ учился охотно; скоро давалась азбука, начали читать по складамъ, потомъ все бойче и бойче и, наконецъ, перешли къ письму. Письмо почему то понравилось Колѣ болѣе, нежели чтеніе. и дѣло пошло гораздо успѣшнѣе. Нельзя описать радости самого Коли, его матери и учителя, когда недѣли черезъ двѣ послѣ начала занятій письмомъ, Коля показалъ матери четвертушку бумаги, на которой крупными, неровными буквами, въ двѣ кривыя строки было на-

писано: „Николай Варенцовъ“, Наталья Варенцова!—Радость была всеобщая.

Неизвѣстно до которыхъ поръ прожили бы такъ мать съ сыномъ, если бы. однажды, ихъ мирное время препровожденіе не было нарушено письмомъ изъ Петербурга отъ дяди Николая, брата умершаго отца. Послѣ обычныхъ поклоновъ и пожеланій въ письмѣ много было написано и о Колѣ. Дядя спрашивалъ Наталью Павловну, что она намѣрена дѣлать съ сыномъ, которому уже пошелъ одиннадцатый годъ, говорилъ, что по нынѣшиимъ временамъ дворянамъ необходимо образованіе и служба и предлагалъ Натальѣ Петровнѣ похлопотать за Колю въ Петербугѣ и опредѣлить его въ корпусъ.

Сильно забилось сердце Натальи Петровны, когда она прочитала это письмо. Наталья Петровна и сама знала, что учить Колю необходимо, она и сама неоднократно хотѣла написать этому дядѣ письмо, съ просьбою похлопотать о Колѣ въ Петербургъ, но она какъ то старалась не думать объ этомъ вопросѣ: ей тяжело было разстаться съ любимымъ сыномъ, И вотъ теперь она нѣсколько разъ перечитываетъ письмо, стараясь понять его, какъ будто тамъ было не то же письмо, о чемъ она неоднократно думала и о чемъ даже собиралась просить дядю,

Какъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ Наталья Петровна отправилась посовѣтываться съ священнику, съ которымъ, она какъ будто забыла это, она уже не одинъ разъ по этому вопросу говорила. Священникъ встрѣтилъ Наталью Петровну радушно и съ своей стороны также посовѣтовалъ воспользоваться предложеніемъ дяди.

Но Наталья Петровна, несмотря на это, все еще медлила и по возможности оттягивала рѣшительную минуту разставанія съ любимымъ сыномъ.

Вторично письмо дяди съ угрозою упустить дѣло и потерять хорошій случай заставило Наталью Петровну поторопиться и выѣхать съ сыномъ въ Петербургъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ и повидавшись съ дядей, Коля скоро былъ опредѣленъ въ корпусъ.

И теперь помнитъ Николай Павловичъ послѣднія минуты своего разставанія съ матерью, которая, какъ будто предчувствуя, что видитъ сына послѣдній разъ, крѣпко на-рѣпко прижала его голову къ своей груди и долго не могла оторваться отъ своего ненагляднаго. Прощаніе это, дѣйствительно, было послѣднимъ; вскорѣ по пріѣздѣ домой Наталья Петровна слегла и умерла, не переставая бредить своимъ Николашею.

Неособенно веселая жизнь пошла для мальчика. онъ былъ угрюмъ, слишкомъ поддался своему горю и потому не сходился съ товарищами. По выходѣ изъ училища молодой Варенцовъ поступилъ въ полкъ, но и тамъ онъ жилъ одиноко, въ сторонѣ отъ другихъ офицеровъ, людей богатыхъ, съ которыми онъ не могъ водить компаніи, благодаря своей бѣдности. Никакой привязанности не было у Варенцова до тѣхъ поръ, пока судьба не наткнула его на Павла Константиновича Грибкова.

Грибковъ былъ тогда еще молодымъ ротнымъ командиромъ въ той же ротѣ, гдѣ служилъ и Варенцовъ. Грибковъ былъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, получилъ хорошее воспитаніе, считался на виду у начальства и былъ въ то же

ремя отличнымъ товарищемъ и веселымъ собе-
сѣдникомъ. Несмотря на такое несходство въ ха-
рактерахъ, Грибковъ и Варенцовъ полюбили другъ
друга, эта любовь окрѣпила совсѣмъ послѣ мно-
гихъ походовъ, въ которыхъ приходилось имъ
обоимъ участвовать.

Время шло. Грибковъ быстро подвигался по службѣ, а Варенцовъ, будучи раненъ въ одномъ сраженіи, принужденъ былъ подать въ отставку; того-то Грибковъ, не желая разставаться съ своимъ боевымъ товарищемъ и зная его бѣдность, предложилъ ему быть главнымъ управляющимъ его имѣнія. Варенцовъ съ охотою принялъ это предложеніе и пріѣхавъ въ имѣніе, сталъ истиннымъ безкорыстнымъ блюстителемъ интересовъ своего бывшаго друга.

Варенцовъ былъ полнымъ хозяиномъ имѣнія и своимъ человѣкомъ въ семьѣ генерала; радости семьи Грибковыхъ были радостями Варенцова, а также и несчастія Грибковыхъ близко принимались къ сердцу преданнымъ и вѣрнымъ управляющимъ.

Въ настоящее время мы застаемъ Варенцова только что пріѣхавшимъ изъ почтовой конторы, гдѣ онъ получилъ письмо отъ Грибкова, это письмо по всей вѣроятности и было причиною волненія Николая Павловича.

Долго сидѣлъ Николай Павловичъ передъ налитымъ стаканомъ, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался сначала голосъ: „Дома? Пріѣхалъ?“ и затѣмъ шуршаніе подоловъ, обтираемыхъ объ полъ. Дверь, ведущая въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ Николай Павловичъ, пріотворилась и вошелъ отецъ Ва-

силій. Онъ набожно перекрестился на образа и затѣмъ, низко поклонившись Варенцову, произнесъ отпыхиваясь.

— Николай Павловичъ! Съ пріѣздомъ!

— Спасибо, батюшка! Подвигайтесь, чай пить.

— Не откажусь, не откажусь!—говорилъ священникъ, опускаясь на стулъ и выправляя длинные волосы изъ воротника подрясника.—Ну и дорожка? Вы какъ доѣхали.

— Доѣхалъ, отецъ Василій, ничего были кое-гдѣ зажоры, да немного; это по деревнѣ такъ распустило: а въ полѣ дорога еще держится!

— Не надолго это!—вставилъ священникъ.

— Какой не надолго! говорю вамъ, теперь зажоры есть, еще день, много два три простоитъ такъ, да еще если вѣтерокъ пахнетъ съ полудня, такъ въ полѣ дороги никакой не будетъ. Одно слово—смерть будетъ, мученье одно, а не дорога!—какъ бы сердясь на кого. говорилъ Варенцовъ.

— Истину говорите! Изволили побывать на почтовой станціи?

— Былъ!—отрывисто и съ сердцемъ отвѣтилъ Николай Павловичъ.

— Бумагъ какихъ нѣтъ ли мнѣ, или письмеца? Вообще, что новенькаго не привезли-ли?

— Вамъ нѣтъ ничего и по деревни никому нѣтъ ничего... Да... Ѳомѣ Петрову письмо есть! Вамъ вѣдь мимо итти, возьмите, тамъ отдадите кому-нибудь.

Варенцовъ подалъ священнику письмо, которое тотъ посмотрѣвъ на адресъ, опустилъ въ карманъ подрясника.

— Такъ! Такъ,—сказалъ священникъ и началъ

приклебывать изъ стакана чай.

Священникъ видѣлъ, что Николай Павловичъ былъ чѣмъ то разстроенъ, догадывался, что онъ привезъ какую нибудь новость, но много не разспрашивалъ у Варенцова, зная, что тотъ и безъ разспрашиваній передастъ ему все.

Дыйствительно, немного спустя, Варенцовъ началъ прохаживаться по комнатѣ и громко заговорилъ.

— Новенькаго? Какъ не быть новенькаго?! Знаете-ли что надумалъ его превосходительетво Павелъ Константиновичъ? Да и не думайте: не знаете и не догадаетесь ни за что. Надумалъ онъ, – началъ говорить Варенцовъ, остановившись передъ батюшкой и отдѣляя слово отъ слова; — надумалъ онъ не больше, не меньше пріѣхать къ намъ, въ Коврово. Да когда? въ какую пору? Теперь же вотъ! Того и гляди недѣли черезъ полторы, много черезъ двѣ будетъ здѣсь!

Дѣйствительно, батюшка самъ ни за чтобы не догадался, это было видно потому, какъ удивился онъ, услышавъ отъ Варенцова эту неожиданную новость.

— Нѣтъ! Вы подумайте только батюшка! – горячился Варенцовъ.—Вы только подумайте ѣхать въ такую дорогу; какъ будто его кто гонитъ изъ Петербуга! Да теперь и арестантовъ то до поры до времени не пересылаютъ. А онъ, генералъ, человѣкъ старый, съ семьей, съ барышней не взирая ни на что, ѣдетъ!

— Можетъ быть, какія есть серьезныя причины на это, – скромно вставилъ батюшка.

— Конечно, батюшка, Конечно, не безъ при-

чинъ. Только какія? вѣдь это-то меня и смущаетъ. Въ письмѣ ничего не сказано, а только просто: ѣдемъ, скоро будемъ; ѣдемъ всѣ, приготовься.— Мнѣ чтожъ? У меня, вы сами знаете, всегда все готово, хоть теперь милости просимъ. Только сдается мнѣ, что не спроста генералъ затѣялъ эту поѣздку.

— Богъ милостивъ,—говорилъ отецъ Василій,— можетъ имѣетъ его превосходительство какіе свои разсчеты. Спасибо, что меня предупредили: надо будетъ сказать, чтобы поприбрали въ храмѣ и пообчистились. Благодарствую!

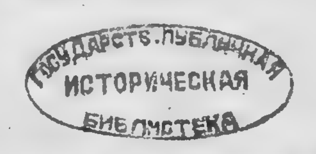
И отецъ Василій, опрокинувъ стаканъ на блюдечко, опять помолился на иконы и, распростившись съ Варенцовымъ, вышелъ изъ комнаты. По дорогѣ онъ не приминулъ завернуть къ Ѳомѣ Петрову, которому отдалъ полученное письмо и остался тамъ также пить чай. За чаемъ батюшка сообщилъ Туколкину только что услышанную новость о пріѣздѣ Грибкова и долго собесѣдники, попивая чаекъ, судили да придумывали, чтобы такое могло заставить Грибкова пріѣхать въ такое неурочное время.

III.

Родъ дворянъ Грибковыхъ былъ очень старинный родъ. Когда начинался семейный разговоръ о предкахъ, то можно было слышать, что упоминались родовитыя люди, живущіе нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Дѣдушка Грибкова былъ одвимъ изъ приближеннѣйшихъ людей импе атора Петра Великаго: они вмѣстѣ ѣздили за границу и чуть ли не рядомъ сражались въ знаменитой битвѣ при Пол.

тавѣ. Неожиданная смерть Великаго монарха, который умеръ отъ простуды, полученной имъ при самоотверженномъ спасеніи тонущихъ русскихъ моряковъ, положили конецъ возвышенію по службѣ Грибкова дѣла. Онъ попрежнему оставался при дворѣ, но не имѣлъ уже такого значенія и вліянія, какое имѣлъ онъ при почившемъ своемъ императорѣ и благодѣтелѣ. Не имѣя особеннаго вліянія, при дворѣ самъ, онъ не могъ доставить и сыну своему какую-либо замѣтную придворную должность, такъ что отецъ Павла Константиновича Грибкова (теперешняго владѣтеля Коврова), хотя и былъ въ генеральскомъ чинѣ, хотя и занималъ очень видную должность, но въ числѣ придворныхъ не находился, являясь во дворецъ лишь въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, когда присутствіе его тамъ по извѣстнымъ правиламъ было необходимо. Того болѣе былъ удаленъ отъ двора самъ Павелъ Константиновичъ. Отецъ его не то чтобы не могъ, а даже самъ не хотѣлъ, чтобы сынъ его началъ свою службу въ какихъ либо придворныхъ званіяхъ.

— Будетъ того достоинъ и при дворѣ будетъ, если пожелаетъ, — говаривалъ отецъ Павла Константиновича;—а пока пускай его поучиться, да узнаетъ, какова она служба то. Вотъ тогда то изъ него и будетъ настоящій человѣкъ.— Благодаря такимъ взглядамъ отца на воспитаніе сына, Павелъ Константиновичъ началъ свою службу совсѣмъ не такъ, какъ начинали въ то время его родственники и сверстники. Отецъ Павла Константиновича не желалъ даже, чтобы сына его опредѣлили прямо въ гвардію и потому онъ попалъ на службу сна-

чала въ простой армейскій полкъ. Представительная фигура, особенно природная смѣкалка, беззавѣтная храбрость, почтеніе къ старшимъ и вполнѣ братское, пріятельское отношеніе къ товарищамъ по службѣ молодого Грибкова, скоро обратили на себя вниманія начальства и Грибковъ бойко выдвигался по службѣ. — Участвуя въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, Грибковъ обратилъ на себя вниманіе не только ближайшихъ, но и высшихъ начальниковъ и постоянно ими отличаемый былъ, наконецъ, безъ всякой просьбы съ его стороны, переведенъ въ гвардію. Старикъ отецъ, кажется и жилъ только для того, чтобы увидѣть свое предсказаніе сбывшимся.

Онъ часто говаривалъ въ кругу домашнихъ и близкихъ знакомыхъ: — не правду ли я говорилъ Пашѣ, что если захочетъ, то то будетъ и въ гвардіи? Видите вотъ вамъ и изъ простого армейскаго полка и отличій нахваталъ и въ гвардію переведенъ! Такъ то. А ужъ какой опытъ теперь Паша имѣетъ, такъ такого опыта въ гвардіи онъ никогда бы не получилъ. Вотъ вамъ и армейскій полкъ.

Старикъ къ сожалѣнію не могъ полюбоваться на своего сына, одѣтаго въ гвардейскій мундиръ. Павелъ Константиновичъ получалъ изъ Петербурга письмо за письмомъ съ просьбами ѣхать поскорѣе и торопиться за тать отца въ живыхъ. Сломя голову летѣлъ Павелъ Константиновичъ съ поле битвы къ умирающему отцу, но несмотря на всю свою поспѣшность, онъ опоздалъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ долженъ былъ прямо заняться распоряженіями о похоронахъ, такъ какъ засталъ отца уже мертвымъ. Вскорѣ послѣ смерти отца

Павелъ Константиновичъ перешелъ въ одинъ изъ полковъ, стоящихъ въ Петербургѣ и окончательно тамъ поселился. Здѣсь онъ имѣлъ случай въ первый разъ увидать княжну Софью Васильевну Градову, которая впослѣдствіи и стала его супругою.

Княжна Софья Васильевна Градова принадлежала также къ одному изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Градовы стояли всегда выше Грибковыхъ по общественному положенію, но въ послѣднее время Градовымъ какъ то не везло; всѣ представители княжескаго рода Градовыхъ или попадали какъ-то ни за что ни про что въ опалу, или умирали не успѣвъ еще достигнуть болѣе или менѣе значительнаго положенія.

Изо всей фамиліи Градовыхъ не оставалось никого кромѣ княжны Софьи Васильевны, одиноко живущей съ матерью своею, старою княгинею Лидіей Васильевной.

Познакомившись съ Софьей Васильевной, Павелъ Константиновичъ замѣтилъ, что княжна произвела на него очень сильное впечатлѣніе; онъ началъ стараться чаще видѣть ее и бесѣдовать съ нею, стараясь узнать о томъ впечатлѣніи, которое онъ самъ произвелъ на нее. Убѣдившись, что онъ не рискуетъ получить отказъ въ томъ случаѣ, если предложитъ Софьѣ Васильевнѣ руку и серце, Павелъ Константиновичъ поступилъ такъ, какъ подсказывало ему его желаніе.

Софья Васильевна посовѣтавшись съ матерью и зная, что Грибковъ старинный дворянинъ, состоятельный, не мотъ, а тѣмъ болѣе будучи и сама къ нему неравнодушна, охотно и даже съ радостію дала свое согласіе на предложеніе Грибкова. Состо-

илась свадьба и Грибковъ зажилъ семейною жизнію, принявъ къ себѣ въ домъ и мать жены своей, Лидію Васильевну. Будучи съ раннихъ лѣтъ оторванъ отъ семьи для ученія въ Петербургѣ и пріѣзжая домой только на праздники или на лѣтнее время, а поступивъ на службу заѣзжалъ въ свое имѣніе какой нибудь одинъ разъ, да и то на короткое время, въ два, три года. Павелъ Константиновичъ очень мало понималъ въ веденіи хозяйственныхъ дѣлъ и потому возложилъ всѣ заботы на жену и на тещу, что, къ слову сказать, тѣмъ очень понравилось. Подчиняясь во всемъ, что касается хозяйства, домамъ, Павелъ Константиновичъ незамѣтно для самого себя, сталъ подчинятъся имъ же и во многомъ другомъ, такъ что въ короткое время сдѣлался усерднымъ исполнителемъ желаній жены и тещи. Но нельзя было сказать, чтобы онъ утратилъ совсѣмъ свою самостоятельность: всѣ эти уступки касались только разныхъ, болѣе или менѣе, мелочныхъ вопросовъ: что же касается до вопросовъ слишкомъ серьезныхъ, то при рѣшеніи ихъ Павелъ Константиновичъ не обращалъ вниманія ни на чьи желанія и вкусы; въ такихъ вопросахъ воля Павла Константиновича была неизмѣннымъ закономъ. Эту волю немогли перемѣнить ни желанія, ни мольбы, ни даже слезы жены. Всѣ это понимали и оставались съ этимъ совершенно. Такъ, когда настало время отдать учиться старшаго сына Владиміра, Софья Васильевна страстно желала отдать его въ какое-либо гражданское учебное заведеніе, такъ какъ многія изъ ея родственниковъ занимали очень видныя мѣста по гражданской службѣ, и по всей вѣроятности, очень бы пригодились

потомъ молодому Грибкову; но Павелъ Константиновичъ порѣшилъ, что Володя пойдетъ по военной; такъ и сдѣлалось, несмотря на то, что Софья Васильевна цѣлую недѣлю ходила съ заплаканными глазами.

Въ настоящее время мы застаемъ въ Петербургѣ Софью Васильевну опять съ заплаканными глазами и видимо крайне разстроенную; причину этого разстройства мы сейчасъ объяснимъ.

Какъ мы уже говорили, фамилія князей Градовыхъ была въ послѣднее время совсѣмъ несчастлива въ лицѣ своихъ представителей мужскаго пола: нѣкоторые, подававшіе очень порядочныя надежды, волею судебъ умирали рано, не достигнувъ того, чего желали сами и на что разсчитывали ихъ родственники. Однако свѣжи еще были воспоминанія недавней славы князей Градовыхъ и червь честолюбія точилъ какъ Софью Васильевну, такъ и Лидію Васильевну.

Когда Павелъ Константиновичъ сватался за Софью Васильевну, то онѣ съ матерью перебирая его достоинства, обратили свое особое вниманіе и на то, что фамилія Грибковыхъ тоже очень древняя и что Павелъ Константиновичъ, какъ по всему можно было предполагать, займетъ очень видное мѣсто по службѣ; потерявъ надежду на представителей рода князей Градовыхъ, онѣ возлагали большую надежду на мужа и зятя, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ выдвинуться самъ и выдвинуть ихъ, поставивъ ихъ въ обществѣ на такое мѣсто, которое приличествовало бы занимать имъ, какъ урожденнымъ княгинямъ Градовымъ.

Первое время дѣйствительно желанія ихъ испол

нялись, какъ онѣ и не ожидали: всегда усердный по службѣ, Павелъ Константиновичъ получалъ награду за наградою, повышеніе за повышеніемъ и несказанно ихъ тѣмъ радовалъ. Уже близки онѣ были къ конечной цѣли ихъ желаній, уже немного оставалось до окончательнаго ихъ исполненія, уже многіе заслуживающіе полнѣйшаго довѣрія лица говорили, что Павлу Константиновичу выходитъ въ скоромъ будущемъ очень значительный служебный постъ; какъ вдругъ, къ неописанному ужасу дамъ, Павелъ Константиновичъ ни съ того, ни съ сего объявилъ имъ, что онъ скоро подастъ въ отставку. Хотя жена и теща отлично знали, что желаніе *П*авла Константиновича останется неизмѣннымъ, но вопросъ на ихъ взглядъ былъ такъ важенъ, серьезная разливалась мечта, лелѣянная ими почти за двадцать лѣтъ супружества, все это такъ возмутило жену и тещу, что онѣ настойчиво упрашивали Павла Константиновича перемѣнить свое рѣшеніе, позабывъ рѣшительно характеръ мужа и зятя.

— Подумай, подумай, Павелъ Константиновичъ, что ты съ нами дѣлаешь! Ты губишь, губишь насъ!—едва сдерживая (а иногда и вовсе не сдерживая) рыданія, говорила Софья Васильевна своему супругу.

— Это стыдно, это неблагородно не оправдать тѣхъ надеждъ, которыя мы на васъ возлагали!—поддерживала свою дочь Лидія Васильевна.

Павелъ Константиновичъ слушалъ всѣ эти упреки, казалось, совершенно невозмутимо, по крайней мѣрѣ онъ ничѣмъ не выдавалъ своего волненія и только поглубже затягивался трубкой, сидя

въ креслѣ или ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ; только разъ отказался онъ отъ своего молчанія. Когда жена и теща увидала, что ихъ мольбы и слезы остаются тщетными, то онѣ рѣшились на послѣднее средство и подговорили поддержать ихъ просьбу любимицу Павла Константиновича дочь Елену. Та, желая сдѣлать угодное матери и бабушкѣ, пробовала заговорить съ отцемъ объ этомъ вопросѣ, но тотъ непривычнымъ, суровымъ толосомъ остановилъ ее, сказавъ: - оставь Елена, это дѣло не твое; ты многого не понимаешь. Будь умницей и не заикайся объ этомъ болѣе!

Вообще подача отставки была рѣшена Грибковымъ окончательно. Подавъ отставку, онъ рѣшилъ ни на минуту не оставаться въ Петербургѣ и ѣхать пока въ свою подмосковную, а на зиму перебраться въ свой Московскій домъ. Управляющему имѣніемъ Николаю Павловичу Варенцову было послано приказаніе приготовить все къ пріему хозяевъ и выслать на ближайшую станцію лошадей. Это то приказаніе и смутило Николая Павловича; пріѣзда хозяевъ онъ не боялся, онъ даже радовался, какъ ребенокъ, возможности на долгое время видѣть семью, которая стала для него какъ бы своею родною семье, но мрачныя мысли поселились въ головѣ Николая Павловича, онъ каждую ночь подыскивалъ причины, которыя могли бы заставить Павла Константиновича оставить службу и ѣхать въ деревню въ такое время. Много причинъ придумывалъ Варенцовъ, но не могъ остановиться ни на одной. Одно только смутно чувствовалъ преданный управляющій, что причины эти должны быть не изъ добрыхъ. Сильно желали также найти и

объяснить себѣ причины неожиданнаго его рѣшенія Грибкова Софья Васильевна съ своею матерью, но и онѣ, не смотря на то, что пытались даже старались наводить справки, не пришли ни къ какому заключенію. Приходилось сбираться въ дальнюю дорогу: укладываться, послѣднія прощальные визиты и принимать у себя. Въ этихъ хлопотахъ хотя немного успокоилась Софья Васильевна и старая княгиня.

Въ барскомъ домѣ села Коврова все уже давно было прибрано, въ кладовыхъ давно была уже привезенная изъ ближайшаго города къ пріѣзду господъ провизія. и третій день какъ уже были высланы на станцію лошади Николай Павловичъ съ минуты на минуту поджидалъ господъ, то и дѣло выходилъ онъ на дворъ послушать, не слыхать ли колокольчиковъ и посмотрѣть на погоду. Погода сильно интересовала заботливаго управляющаго, отъ нея зависѣло состояніе дороги; но къ удовольствію Варенцова оттепель, бывшая передъ этимъ долгое время, смѣнилась маленькими морозами, по утрамъ же были такіе утренники, которые не уступали и настоящимъ зимнимъ морозамъ. По всему можно было надѣяться, что семейство Грибковыхъ доѣдетъ благополучно и безъ опасныхъ дорожныхъ случайностей.

Какъ и часто бываетъ, что человѣкъ съ нетерпѣніемъ ждетъ что либо и вдругъ пропускаетъ нужную минуту, такъ случилось съ Варенцовымъ. Онъ только что выходилъ на дворъ послушать, не слыхать ли колокольчиковъ, похвалилъ легкій морозецъ и придя домой, не раздѣваясь, прикурнулъ на диванѣ и задремалъ. Вдругъ къ нему подбѣжалъ ста-

рый лакей Трифонычъ и безъ цере оніи толкнувъ управляющаго, вскрикнулъ: ѣдутъ, ѣдутъ.

Мигомъ выбѣжалъ Николай Петровичъ на крыльцо, къ которому подъѣзжали двѣ тройки: въ первой изъ нихъ сидѣлъ самъ Павелъ Константиновичъ съ дочерью Еленою Павловною, во второй была Софья Васильевна съ своею матерью. Повозки на к торыхъ находилось имущество, значительно отстали и должны были прійти послѣ Дружно кинулась вся дворня съ Нилолаемъ Павловичемъ во главѣ къ кибиткамъ и десятки рукъ начали отстегивать загрязненные кожаные фартуки кибитокъ, первая выпрыгнула изъ кибитки Елена Павловна и весело поздоровалась со всѣми, за нею, пыхтя, при помощи Николая Павловича вылѣзалъ и самъ генералъ. Выбравшись изъ кибитки, онъ дружески обнялъ Николая Павловича и жирнымъ басистымъ смѣхомъ сказалъ: что, братъ, славно нагрянули! Ты небось и не ждалъ,—диву дался, ваше превосходительство! Воистинну удивили! — началъ, было почтительно отвѣчать Николай Павловичъ, но замѣтивъ, что изъ другой повозки начали выходи ь дамы, онъ вьюномъ кинулся туда и, какъ вѣжливый кавалеръ и почтительный управляющій, помогъ имъ выбраться.

Въ имѣнье Грибковы пріѣхали къ вечеру, они сильно утомились дорогою и потому, напившись чаю и наскоро закусивъ, улеглись спать, не переговоривъ ни съ кѣмъ и не отдавая никому никакихъ приказаній.

На другой день было послано за батюшкой, чтобы онъ пришелъ отслужить молебенъ. Отецъ Василій не замедлилъ явиться: для такого рѣдкаго па-

рада онъ былъ одѣтъ въ новую съ иголочки ря-су вишневаго цвѣта, подаренную ему къ рожде-ству Тутолкинымъ; съ отцомъ Василіемъ былъ діаконъ, необыкновенно худой и длинный человѣкъ съ громаднымъ, поросшимъ мелкими рыжими во-лосиками кадыкомъ и толстый дьячекъ, одѣтый въ новый халатъ, съ намасленными и только что за-плетенными въ косу волосами.

Чинно и благообразно прошелъ молебенъ на ко-торомъ, кромѣ прибывшихъ господъ, присутство-вала и вся дворня.

Послѣ молебна священника пригласили къ чаю; тутъ же присутствовалъ и Николай Павловичъ. За чаемъ проводили время очень оживленнно разго-воръ шелъ неумолкаемый, но напрасно думали Ни-колай Павловичъ и священникъ, что Грибковъ удовлетворитъ ихъ любопытство и выскажетъ тѣ причины, по которымъ онъ рѣшился пріѣхать въ Коврово изъ Петербурга. Павелъ Константино-вичъ не только ни словомъ не обмолвился объ этомъ но даже какъ будто умышленно обходилъ этотъ вопросъ, ни словомъ ни намекая и о Петер-бургѣ. Спрашивать же объ этомъ Павла Констан-тиновича Варенцовъ и батюшка считали крайне неприличнымъ. Разговоръ вертѣлся все около се-ла и сельскихъ нуждъ и новостей.

Вопросы предлагалъ большею частію Павелъ Констановичъ, а присутствующіе только давали почтительные отвѣты. Передъ самымъ прощань-емъ батюшка не утерпѣлъ и, уже подымаясь со стула, спросилъ:

— Позвольте узнать, надолго ли, ваше превос-ходительство изволили порадовать насъ своимъ прі-ѣздомъ.

— Ха, ха, ха,— раскатился генералъ:—вы меня теперь скоро не прогоните. Все лѣто пробуду; въ августѣ что Богъ дастъ, если успѣемъ отдѣлать московскій домъ, то переберусь въ Москву.

— Поживите, поживите, и намъ съ вами веселѣе, упрашивали отъ души искренно добраго генерала какъ отецъ Василій, такъ и Николай Павловичъ.

Потянулась для всѣхъ та скучная, монотонная однообразная жизнь, какая только можетъ быть въ деревнѣ въ такое время года.—Скучно въ деревнѣ въ началѣ весны, несравненно скучнѣе чѣмъ въ городѣ. Городъ гораздо ранѣе принимаетъ весенній видъ; тамъ на помощь природѣ приходятъ дворники и иной рабочій людъ, скалывающій слои льда и свозятъ снѣгъ съ тротуаровъ и мостовыхъ Лишь только появляются нѣсколько тепла мартовскихъ дней, какъ закипаетъ работа на городскихъ улицахъ. Глядишь: ужъ какъ по волшебству какому улицы потеряютъ свой зимній уборъ и по нимъ весело задребежатъ во всѣ стороны колесные экипажи, и обыватели считаютъ уже весну окончательно наступившей. Совсѣмъ не то въ деревнѣ. Тамъ ничто и никто не помогаетъ природѣ согнать глубокую снѣжную пелену природа должна тамъ только одними своими силами. И вотъ начинается долгая работа снѣгъ таетъ и убываетъ и отъ весеннихъ лучей солнца и отъ маленькихъ, мелкихъ мартовскихъ дождей и отъ теплаго вѣтра. И долго еще пройдетъ до того времени, когда окончательно почернѣютъ окрестности До этихъ же поръ большинство деревенскихъ жителей живутъ какъ бы въ заключеніи. А тутъ еще разольются рѣки и рѣчен-

ки и подобенъ тогда житель деревни жителю какого-нибудь необитаемаго острова. Дорогъ и сообщеній никакихъ. Есть такіе захолустые уголки, куда въ это время по мѣсяцу не приходитъ почта!

Въ такомъ то положеніи очутилась семья Грибковыхъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда, скука и неприглядная обстановка такъ подѣйствовала на всѣхъ, что всѣ какъ бы чуждались другъ друга и избѣгали общихъ разговоровъ, а старались подыскивать каждый для себя такое занятіе, которымъ онъ могъ бы заниматься только во одиночку, самъ съ собой.

Павелъ Константиновичъ сидѣлъ запершись по цѣлымъ днямъ у себя въ кабинетѣ и разбиралъ свои бумаги, онъ только изрѣдка призывалъ къ себѣ Николая Павловича отчасти для переговоровъ о хозяйственныхъ дѣлахъ, отчасти для того, чтобы вспомнить со своимъ сослуживцемъ свою молодость и былые походы. Софья Васильевна или распоряжалась по хозяйству, или просто лежала въ постели, говоря, что ей нездоровиться. Старая княгиня Лидія Васильевна раскладывала свой вѣчный, никогда нескончаемый пасьянсъ. Елена Павловна читала книги, играла на клавикордахъ и частенько бѣгала въ дѣвичью, гдѣ иногда раздавался ея веселый громкій смѣхъ.

Было въ Еленѣ Павловны какое то чувство, которое такъ и тянуло ее къ простому народу. Въ Петербургѣ ли зимою, въ деревнѣ ли лѣтомъ была Елена Павловна, все равно у ней всегда находились хорошіе знакомые или изъ домашней прислуги, или изъ крестьянъ.

Родителямъ барышни, особенно матери, очень не нравилась такая близость дочеря къ простому народу. Софья Васильевна употребляла всѣ мѣры, чтобы отучить дочь отъ этой, какъ Софья Васильевна думала, дурной привычки, но всѣ внушенія и наставленія матери пропадали даромъ, а поэтому мать махнула рукою на эту странность дочери, тѣмъ болѣе, что изъ этой странности ничего дурного не выходило.

Желаніе быть поближе къ простому народу и спасло Елену Павловну отъ деревенской скуки въ первое время по пріѣздѣ Грибковыхъ въ деревню. Въ то время, когда другіе члены семьи, не находя себѣ никакого дѣла или развлеченія, изнывали отъ скуки, Елена Павловна, наскучивъ читать книгу или играть на клавикордахъ, убѣгала въ дѣвичью, гдѣ проводила время очень весело.

Медленно подвигалась весна. Снѣгъ упорно не сходилъ съ полей. По поговоркѣ, что до Благовѣщенья или недѣлю не доѣздишь, или недѣлю переѣздишь, случилось, что въ этомъ году послѣ Благовѣщенія недѣлю переѣздили. Только въ началѣ апрѣля освободились поля отъ снѣга, хотя въ лѣсахъ, оврагахъ и лощинахъ было его еще достаточно.

Скучно было жителямъ деревни въ весеннюю распутицу, но зато они вознаградили себя сторицею по наступленіи весны совершенно, когда убрался снѣгъ, появилась молодая травка, завязались почки на деревьяхъ и отовсюду полились звонкіе голоса весеннихъ гостей перелетныхъ пташекъ.

Теперь уже жители деревни не завидовали горожанамъ и ни за что не согласились бы промѣнять

своего деревенскаго простора и благоуханія на г
родскую духоту и сутолоку. Новая жизнь начала
и въ деревнѣ и въ домѣ Грибковыхъ, всѣ какъ бу
то помолодѣли и обновились, всѣ стали бодрѣ
веселѣе, и разговорчивѣе.

Елену Павловну рѣдко когда можно было ув
дать дома, она уходила съ книгою въ паркъ и
рощу и пропадала тамъ по цѣлымъ днямъ, захо
постоянно къ знакомымъ ей крестьянамъ и крест
янкамъ.

А знакомыхъ у доброй барышни,—какъ наз
вали крестьяне Елену Павловну, было почти ч
все село; пять лѣтъ подъ-рядъ пріѣзжали весно
Грибковы въ Коврово и всегда Елена Павлови
вела знакомство съ крестьянами и входила въ и
нужды, чѣмъ и пріобрѣла ихъ любовь. Общее бл
гополучіе и радостное настроеніе увеличилось ещ
и тѣмъ, что было получено письмо отъ сына, к
торый служитъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полко
въ Петербургѣ. Сынъ Грибковыхъ Павелъ Павл
вичъ писалъ, что онъ пріѣдетъ мѣсяца на полтор
погостить въ Коврово и просилъ позволенія пр
везти съ собою одного своего товарища.

На другой же день былъ посланъ отвѣтъ въ П
тербургъ. Въ отвѣтѣ писалось, что ждутъ сына с
радостнымъ нетерпѣніемъ и что товарища не тол
ко позволяютъ взять, но еще будутъ ему оче
рады, такъ какъ въ деревнѣ гость-находка.

Какъ только былъ отправленъ отвѣтъ въ Пете
бургъ, то немедленно же начались приготовлен
къ пріему гостей. Не знали, кто именно изъ тов
рищей Павла Павловича пріѣдетъ и сердились н
него за это немного.

Всѣхъ озабочивало то обстоятельство, какую
мнату отведутъ они гостю. Наконецъ на общемъ
мейномъ совѣтѣ постановлено было отвести гос-
о комнату рядомъ съ кабинетомъ Павла Констан-
новича. И всѣ, успокоившись, стали ждать прі-
да гостей.

V.

Павелъ Павловичъ Грибковъ былъ молодой, ве-
лый, никогда не унывавшій гвардейскій офицеръ.
нъ не былъ кутилой, а былъ веселъ отъ приро-
, которая одарила его такимъ здоровьемъ и ве-
льемъ, что оно било въ немъ ключемъ, проси-
сь наружу и заражало окружающихъ.

Онъ былъ любимецъ своей семьи, товарищей и
лдатъ. Благодаря своему веселому, прямому и
оброму характеру, онъ не имѣлъ враговъ, това-
щей же у него было пропасть. Но изъ всѣхъ
варищей Павелъ Павловичъ былъ особенно при-
занъ къ одному молодому еще офицеру, Леони-
Ивановичу Ястребову.

Леонидъ Ивановичъ Ястребовъ былъ также очень
брый человѣкъ, солдаты его любили не менѣе
олодого Грибкова, но съ офицерами онъ какъ-то
е сходился. Не то, чтобъ онъ не хотѣлъ этого; а
ъ того, что былъ Ястребовъ человѣкомъ неосо-
нно разговорчивымъ и всегда о чемъ-то сосре-
точенно думалъ. На Ястребова сильно повліяла
очти одновременная смерть обоихъ его родителей
ему очень тяжело было перенести свое одино-
ество.

Въ послѣднее время въ гвардіи да и вездѣ п
Петербургу только и разговоровъ было, что о на
мѣреніяхъ Наполеона Бонапарта. Наполеонъ был
тогда наверху своей славы и могущества, вся Е
ропа была покорена имъ и трепетала предъ е
властію. Во многихъ странахъ были свергнуты с
престоловъ короли, а на престолъ посажены и
родственники или любимые генералы Наполеона
Многіе изъ оставшихся владѣтелей за честь счита
ли выслушать ласковое слово дерзкаго и надме
наго завоевателя. Императоръ австрійскій не усо
нился выдать за Наполеона свою дочь.—Единстве
но могущественной и самостоятельной осталас
Россія. Наполеонъ понималъ, что съ Россіей ем
не такъ легко справиться и потому пока прин
малъ всѣ мѣры, чтобы быть съ нами въ друж
ственныхъ отношеніяхъ. Онъ писалъ къ императ
ру Россіи Александру Павловичу дружественны
письма, называя его „государемъ и братомъ“. Н
все это оказалось только хитростью со сторон
гордаго Наполеона. Говоря императору о свое
дружбѣ, Наполеонъ въ это время собирался съ с
лами и готовился нанести ударъ Россіи. Онъ со
тавлялъ громадную армію, въ составъ которой вх
дили войска всѣхъ покоренныхъ имъ народовъ; а
мія эта постепенно подвигалась къ границамъ Ро
сіи.

Съ своей стороны и русскіе, видя воинственны
замыслы Наполеона, стягивали войска около н
мецкой границы по берегамъ рѣки Нѣмана.

Въ обществѣ, какъ мы уже сказали, только
толковъ было, что о могущей быть войнѣ съ Н
полеономъ. Какъ и всегда бываетъ въ такихъ сл

чаяхъ, мнѣнія раздѣлялись, кто говорилъ, что война будетъ неизбѣжно, кто увѣрялъ, что надвигающаяся гроза пройдетъ и все кончится благополучнымъ миромъ. Но къ началу лѣта 1812 года уже не было никакихъ споровъ о войнѣ; всѣмъ было очевидно, что война будетъ и будетъ въ скоромъ времени. Особенно въ этомъ были убѣждены въ гвардіи и потому-то Павелъ Павловичъ хлопоталъ объ отпускѣ; ему очень хотѣлось побывать передъ походомъ въ Ковровѣ и повидать своихъ. Павелъ Павловичъ замѣчалъ, что грусть его товарища Ястребова становится сильнѣе, когда онъ начиналъ разсказывать ему съ восторгомъ о своихъ приготовленіяхъ къ отъѣзду и о томъ, какъ пріятно ему будетъ увидѣть родныхъ и походить по знакомымъ съ дѣтства еще окрестностямъ Коврова.

— Бѣдный! думалъ Павелъ Павловичъ объ Ястребовѣ;—зачѣмъ я говорю ему про все это. Вѣдь это ему, должно быть очень непріятно. Вѣдь онъ невольно думаетъ теперь о своихъ родителяхъ и чувствуетъ себя одинокимъ. Раздумывая какъ-то объ одиночествѣ своего лучшаго друга, Павелъ Павловичъ наткнулся на мысль, „а что если мнѣ пригласить Леонида (онъ такъ называлъ Ястребова) съ собою. Мать и отецъ у меня добряки, я бы имъ сказалъ о немъ, они его приласкали бы и ему стало бы веселѣе".

На слѣдующій же день послѣ такого размышленія Павелъ Павловичъ, не откладывая, своего намѣренія, сдѣлалъ товарищу приглашеніе, и очень удивился, когда тотъ нисколько не отговариваясь, подавая ему руку, сказалъ: „спасибо, другъ, что догадался. Я давно думалъ, что мнѣ недурно съѣз-

дить куда-нибудь. Знаешь, этакъ, въ старинный домъ, я знаю, что это развлечетъ меня, и поможетъ мнѣ“.

Сборы молодыхъ офицеровъ недолги и Павелъ Павловичъ могъ бы уѣхать со своимъ товарищемъ въ тотъ же день, когда были получены отпуска, если бы его не задержали въ Петербургѣ различныя покупки. Онъ придумалъ купить подарки всѣмъ, не только роднымъ, но даже и дворовымъ.

Эти покупки задержали молодого Грибкова въ городѣ дня два, но черезъ два дня оба офицера уже неслись на тройкѣ быстро удаляясь отъ Петербурга.

По пріѣздѣ на почтовую станцію, съ которой дорога шла уже прямо въ имѣніе Грибкова, молодые люди встрѣтили лошадей высланныхъ имъ изъ имѣнія и къ удивленію своему увидали, что ихъ выѣхалъ встрѣтить самъ генералъ Павелъ Константиновичъ.

— Папа, голубчикъ! вотъ не ожидалъ-то! Напрасно ты безпокоился!—кричалъ молодой Грибковъ, бросаясь на шею къ отцу, котораго онъ не надѣялся встрѣтить здѣсь.

— Ну! ну!—говорилъ Павелъ Константиновичъ, какъ бы отстраняя, но въ то же время цѣлуя сына неоднократно.—какое безпокойствіе? Сидѣть мнѣ надоѣло, думаю: дай проѣдусь и встрѣчу. Знакомь же меня скорѣе съ товарищемъ.

— Ахъ, виноватъ!—засуетился Павелъ Павловичъ:—Это вотъ мой товарищъ, Леонидъ Ивановичъ Ястребовъ: мы съ нимъ въ одной ротѣ. Прошу любить да жаловать!

— Очень пріятно! Очень пріятно!—говорилъ ге-

нералъ, протягивая руку Ястребову.—Спасибо, что навѣстили насъ; прошу нестѣсняться и быть какъ дома!.. Да что это у тебя коробовъ-то сколько!— спросилъ онъ у сына, показывая на его поклажу:— или ты въ походъ собрался?

— Нѣтъ, папаша,—сконфузился Павелъ Павловичъ,—тутъ знаете... мнѣ хотѣлось всѣмъ подарки привезти... я и привезъ!..

— И привередникъ ты, я посмотрю. Ну, да если привезъ, не кидать же все тутъ. Захватывай и поѣдемъ!

Сытые барскіе, отстоявшіеся кони лихо подхватили экипажи и помчали уже по совершенно сухой проселочной дорогѣ, подымая легкую пыль копытами и колесами.

Встрѣча была въ домѣ самая радушная, такъ что Ястребовъ, несмотря на всю свою мрачность и угрюмость, сразу освоился со всѣми, и на душѣ у него какъ будто просвѣтлѣло и полегчало.

За обѣдомъ разговоръ вертѣлся о мелкихъ петербургскихъ новостяхъ, перебирали извѣстія о своихъ общихъ знакомыхъ и изъявляли, глядя по сообщеніямъ, или радость, или сожалѣніе, или удивленіе.

Но когда послѣ обѣда вышли на балконъ, то разговоръ коснулся, наконецъ, и о предстоящей войнѣ. Разговоръ объ этомъ началъ Павелъ Константиновичъ.

— Ну, что у васъ тамъ объ этомъ, о Бонопартѣ поговариваютъ!—спросилъ Павелъ Константиновичъ, усѣвшись въ кресло и закуривъ трубку, съ длиннымъ чубукомъ.

Павелъ Павловичъ, по свойственной его харак-

теру веселости, началъ было разсказывать различные анекдоты и вообще очень легко относился къ предстоящей войнѣ, но онъ былъ вскорѣ остановленъ Ястребовымъ.

— Погоди, Павелъ, я думаю тутъ хотятъ знать не анекдоты твои, а то, въ какомъ положеніи теперь дѣйствительно находится дѣло. Не такъ ли?—спросилъ онъ, почтительно нагнувшись въ сторону Павла Константиновича.

— Ну да, конечно! конечно! Вы его извините: онъ у насъ постоянно такой вѣтрогонъ!

— Тогда позвольте я вамъ постараюсь объяснить дѣло поскорѣе, продолжалъ Ястребовъ.—Давно уже императоръ французовъ показывалъ видъ, что находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ нашимъ императоромъ; на самомъ же дѣлѣ всѣ эти дружественныя увѣренія были гнуснымъ обманомъ. Наполеонъ въ это время усиленно готовился къ войнѣ съ Россіей и стягивалъ къ нашимъ границамъ значительныя силы.

Въ настоящее время всѣ, рѣшительно всѣ убѣждены, что война съ Наполеономъ неизбѣжна и что Наполеонъ только ждетъ предлога, чтобы ворваться въ наши предѣлы.

— Такъ-съ...—процѣдилъ генералъ.—Ну, а наши-то что же дѣлаютъ? Или сложа руки сидятъ, да поджидаютъ?

— Нѣтъ, приняты и съ нашей стороны мѣры. Мы также собираемъ войска на нѣмецкой границѣ и образуемъ три арміи, изъ которой одна будетъ охранять дорогу на Петербургъ, другая—дорогу на Москву, а третья—дорогу на югъ Россіи. Сверхъ того идутъ слухи, что императоръ самъ намѣренъ скоро выѣхать къ арміи.

— Да, такъ вы полагаете, что война неизбѣж-а?—спросилъ Павелъ Константиновичъ Ястребова.
— Положительно увѣряю въ этомъ!
— Пустяки! Все пустяки будутъ! Мы границы е дадимъ ему перейти. Ну, пусть перейдетъ гра-ицу, прогонимъ опять. До смоленска... куда до моленска? До Вильны не дойдетъ этотъ Наполеонъ повернется!
— Дай-то Богъ,—скромно отвѣчалъ Ястребовъ,—ногіе такъ думаютъ. Дай-то Богъ.
Павелъ Константиновичъ сталъ распрашивать, то въ случаѣ войны будетъ назначенъ главнокомандующимъ.
— Относительно того, кто будетъ командовать сѣми арміями, я не знаю, но отдѣльныя арміи же и теперь извѣстно, кому будутъ поручены!—твѣчалъ Ястребовъ.
— Кому же?
— Да указываютъ на военнаго министра генерала Барклая де-Толли, на генерала Витгенштейна на Тормасова.
— Поглядимъ, поглядимъ, что будетъ. Авось огъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!—успокоительно замѣтилъ Павелъ Константиновичъ.
Въ первый день по пріѣздѣ въ Коврово, молоые люди были неотлучно въ домѣ, не выходя никуда на прогулки, и даже легли спать ранѣе обыкновеннаго, такъ совѣтовали имъ хозяева, да и сами они чувствовали себя крайне утомленными послѣ продолжительной дороги.
Ястребовъ, войдя въ отведенную ему комнату, открылъ окно, раздѣлся и долго не ложился спать, думая о той тихой семейной жизни, которую онъ встрѣтилъ здѣсь, завидуя въ душѣ товарищу сво-

ему Грибкову, и сокрушаясь своимъ одиночествомъ.

„Одинъ я одинъ, какъ перстъ"! думалъ онъ, и не одна крупная слеза противъ его воли, показалась изъ его глазъ.

По прибытіи гостя въ домѣ все замѣтно оживилось: составлялись частыя прогулки, катанія верхомъ, въ экипажѣ и на лодкахъ. А по вечерамъ Елена Павловна въ присутствіи всѣхъ играла на клавикордахъ, причемъ Павелъ Павловичъ почти всегда подтягивалъ своимъ жидкимъ теноркомъ. Елена Павловна часто подтрунивала и смѣялась надъ голосомъ брата, такъ какъ онъ не только былъ очень не силенъ, но братъ не имѣлъ и слуха, а потому бралъ невѣрныя ноты.

— Перестань Паша, съ своимъ теноромъ: ты только меня сбиваешь!—замѣтила какъ то сердито Елена Павловна.

— Изволь, я перестану! Что жо дѣлать, когда не поютъ тѣ, кто умѣетъ пѣть получше!

— Да тутъ никто не умѣетъ Паша!

— Ты ручайся только за себя, про другихъ говорить погоди!—сказалъ Паша и глазами показалъ ей на Ястребова, сидѣвшаго въ углу за клавикордами.

— Леонидъ Ивановичъ, братъ хочетъ сказать этимъ, что вы поете. Поете вы?

Ястребовъ смутился, густая краска покрыла его загорѣлое лицо, и немного помолчавъ, онъ скромно отвѣтилъ:

— Иногда, немного пою!

— Ахъ, пожалуйста, спойте что нибудь, я вамъ буду аккомпанировать. Пожалуйста, спойте. Вотъ ноты: не выберите ли вы изъ нихъ что-нибудь!

Ястребовъ, ничего не говоря, подошелъ къ нотамъ и нѣкоторое время разглядывалъ ихъ, наконецъ, выбравъ одинъ грустный нѣмецкій романсъ, онъ подошелъ къ Еленѣ Павловнѣ и спросилъ ее, подавая ей выбранный романсъ.

— Вы играете это?

— Отлично, отлично: это любимая моя пьеса!

Елена Павловна пробѣжала нѣсколько разъ обѣими руками по клавикордамъ и начала играть.

Ястребовъ съ первой же ноты началъ пѣть. У него былъ чистый, звучный пріятный баритонъ, тотъ баритонъ, который называютъ обыкновенно бархатнымъ.

И дѣйствительно, въ голосѣ Ястребова было что то такое ласкающее, мягкое, успокаивающее; но временами прерывались ноты глубоко грустныя, берущія за сердце и вызывающія у слушателей тихія слезы не то скорби, не то умиленья передъ какой то невѣдомой скорбью другого.

Елена Павловна любила музыку и понимала ее. Она сразу почувствовала скорбь Ястрѣбова и сразу, какъ говорится, впилась въ его пѣніе, боясь проронить хотя одну ноту.

Ястрѣбовъ кончилъ пѣть; въ комнатѣ еще какъ будто висѣли въ воздухѣ послѣдніе аккорды инструмента и послѣдніе ноты баритона Ястребова. Всѣ молчали. Прошло мгновеніе и всѣ какъ одинъ человѣкъ начали аплодировать пѣвцу.

— Восхитительно! Чудесно!—восторгались дамы.

— Молодчина!—кричалъ Павелъ Павловичъ.

— Браво! браво!—похвалилъ Павелъ Константиновичъ.

— Да вы, батенька мой, что это отъ насъ такую драгоцѣнность, какъ вашъ голосъ, скрывали?

Стыдно, вамъ, грѣхъ. Честное слово, грѣхъ. Ну да, хорошо, что все это открылось: мы теперь частенько будемъ приставать къ вамъ.

Но большое впечатлѣніе произвелъ Ястребовъ на Елену Павловну, которая и теперь была подъ обаяніемъ его пѣнія: она такъ замечталась, что и не думала даже благодарить или хвалить Ястребова. Она тоже любила почему то печальные романсы, даже печальныя русскія пѣсни, которыя ей часто приходилось слушать отъ своихъ дѣвушекъ или просто у крестьянъ, когда она посѣщала ихъ. Ястребовъ выбралъ, какъ бы умышленно самый любимый ея романсъ и потому впечатлѣніе произведенное имъ на Елену Павловну было громадно. И долго еще въ ушахъ Елены Павловны звучалъ только что спѣтый романсъ; когда она ушла въ свою комнату, раздѣлась, то долго не могла лечь въ постель, но и очутившись въ постели, она все таки находилась подъ обаяніемъ чудныхъ звуковъ.

На другой день общество по обычаю опять было собралось около клавикордъ. всѣ просили Ярцева опять пропѣть что нибудь, тотъ не навязывался, но и ни отказывался. Всѣ поджидали только появленія Елены Павловны, которая почему-то долго не приходила.

— Да знаетъ-ли она, что мы здѣсь?—волновалась о дочери Софья Васильевна.—Трифонычъ!

— Что прикажете?—спросилъ старикъ, появляясь почтительно въ дверяхъ.

— Поди найди барышню и скажи ей, что мы ее просимъ къ намъ!

— Слушаюсь...—отвѣтилъ Трифонычъ и исчезъ за дверью; долго не возвращался Трифонычъ: онъ

лъ въ комнатѣ Елены Павловны, осмотрѣлъ дѣвичью, дворъ и садъ и нигдѣ не могъ ее найти. Только отъ садовника онъ узналъ, что тотъ видѣлъ недавно Елену Павловну, спускающуюся подъ гору по направленію къ селу съ какой то старухой.

Придя обратно къ господамъ, Трифонычъ передалъ имъ, что онъ Елены Павловны найти не могъ, отъ садовника слышалъ, что она будто пошла къ селу.

— Началось,—съ неудовольствіемъ проговорила Софья Васильевна:—это она имѣетъ привычку посѣщать крестьянъ,—пояснила она, обращаясь къ Ястребову.

За отсутствіемъ Елены Павловны ни игры, ни пѣнія не было, и разговоръ опять перешелъ на Наполеона. Опять старикъ Грибковъ трунилъ надъ французами и опять Ястребовъ смотрѣлъ на дѣло серьезно и ждалъ большой опасности.

Елена Павловна не приходила. Она передъ тѣмъ какъ всѣмъ собираться къ клавикордамъ и сама собиралась отправиться туда же, ей очень хотѣлось послышать опять Ястребова, но когда она уже была совсѣмъ готова къ выходу, вдругъ ее позвали въ дѣвичью. Войдя въ дѣвичью, Елена Павловна увидала тамъ знакомую ей старуху крестьянку Лазарьевну. Та зарыдала и повалилась ей въ ноги. Приказавъ ей подняться и успокоиться, Елена Павловна изъ разспросовъ у старухи, поняла, что очень больна, почти что при смерти дочь ея Поля красивая, миловидная дѣвушка, которую Елена Павловна очень любила,—Посѣщая и всѣхъ больныхъ крестьянъ, Елена Павловна не могла не посѣтить своей любимицы. Она накинула на себя

легкій платокъ, и не сказавшись никому, бѣгомъ отправилась въ село.

Придя къ Полѣ, она, дѣйствительно, сильно нездорова; бѣдная дѣвушка была въ сильномъ жару и метаясь по кровати сильно бредила. Елена Павловна приняла всѣ мѣры. какія только имѣла, чтобы успокоить больную. Она долго пробыла у больной и ушла только тогда, когда она совершенно успокоилась. Когда барышня пришла домой, тамъ всѣ уже спали; не побезпокоивъ никого, кромѣ ключницы, которой она велѣла отослать завтра къ Полѣ чаю, сахару и клюквеннаго морса, Елена Павловна ушла въ свою комнату. Долго невставала на другой день Елена Павловна и вышла только тогда, когда ее позвали завтракать. За завтракомъ отецъ и особенно мать много упрекали ее за то, что разстраиваетъ свое здоровье, бѣгая по селу и навѣщая больныхъ.

— Спаси Богъ. Долго ли до грѣха: и сама заразишься,—говорила участливо и съ требованіемъ Софья Васильевна. Елена Павловна пропускала мимо ушей всѣ эти упреки и увѣщеванія, у ней было только одно на умѣ: это, какъ бы помочь Полѣ. Она сама сознавала себя безсильной, а доктора по близости не было.

— А позвольте узнать, чѣмъ больна та дѣвушка,—ласково спросилъ Ястребовъ.

— Право, не знаю. Ознобъ у ней... жаръ... бредъ.

— Да ты скажи Леониду Ивановичу поподробнѣе, онъ вѣдь у насъ докторъ не докторъ, а полдоктора будетъ,—шутливо сказалъ сестрѣ Павелъ Павловичъ.

Елена Павловна вопросительно взглянула на Ястребова и потомъ перевела такой же взглядъ на брата.

— Серьезно,—продолжалъ молодой Грибковъ,— вотъ если въ походѣ или на маневрахъ захвораетъ солдатъ, доктора подъ рукой нѣтъ, ну, здѣсь и хлопочетъ Леонидъ Ивановичъ.

— Дѣйствительно,— подтвердилъ Ястребовъ, я могу иногда подать помощь до прибытія доктора; у меня всегда подъ рукою бываютъ нѣкоторыя нехитрыя средства! А сейчасъ я посовѣтовалъ бы вамъ пригласить доктора.

— Знаю, Леонидъ Ивановичъ, да гдѣ же его взять; вѣдь онъ за двадцать верстъ отъ насъ.

— Позвольте я съѣзжу и переговорю съ нимъ!

Елена Павловна молчала; ей очень хотѣлось, чтобы къ Полѣ пріѣхалъ докторъ; но въ то же время казалось неприлично послать гостя за двадцать верстъ.

Софія Васильевна и Павелъ Константиновичъ рѣшительно воспротивились намѣренію Ястребова; они говорили, что къ чему такъ безпокоить себя и что если дочь ихъ ужъ такъ хочетъ, чтобы былъ докторъ, то можно послать за нимъ съ письмомъ кого нибудь изъ прислуги.

Но Леонидъ Ивановичъ возражалъ противъ этого: онъ говорилъ, что посланный можетъ не застать доктора и только напрасно проѣздитъ; если же поѣдетъ онъ самъ, то и не заставъ доктора можетъ въ первое время пріобрѣсть чего нибудь въ аптекѣ. Въ концѣ концовъ лошади были поданы и Леонидъ Ивановичъ быстро помчался сопровождаемый благодарнымъ взглядомъ Елены Павловны.

Елена Павловна была у больной, когда къ до
старухи Назарьевны подошли докторъ и Ястребов
докторъ, оглядѣвъ больную, сказалъ, что болѣз
захватила во время, но что больная требуетъ х
рошаго ухода. По уходѣ доктора и Ястребова Ел
на Павловна осталась у постели Поли; она хотѣ
пробыть у ней какъ можно болѣе и дѣйствител
но досидѣла до глубокаго вечера. Но усталос
это дня и предыдущей ночи взяли свое и Елен
Павловна принуждена была отправиться домой.

Каково же было удивленіе Елены Павловн
когда она, придя на другой день къ Полѣ и спр
сивъ у Назарьевны, такъ ли она давала лѣкарств
больной, какъ было приказано, она услыхала т
кой отвѣтъ старухи:—Такъ барышня, такъ: н
сама я давала то, а дай Богъ ему добраго здоровь
баринъ, что у васъ приходилъ. Такой добры
пришелъ съ книжкой и сидѣлъ всю ночь, толь
передъ вашимъ приходомъ ушелъ.—так вотъ он
какой, Леонидъ Ивановичъ,—подумала Елена Па
ловна, хорошій онъ человѣкъ, добрый, недаро
онъ и поетъ такъ, что за душу хватаетъ?“ О
стала ходить за Полей и въ головѣ ея носился об
разъ Ястребова.

Увидавъ Ястребова, она поблагодарила его з
то вниманіе, которое онъ оказываетъ ея любимиц
Ястребовъ смущенно отвѣтилъ, что это для нег
не составляетъ никакого труда и тутъ же онъ успѣл
уговорить Елену Павловну, чтобы она взяла ег
въ помощники для ухода за больной дѣвушкой.

Ястребовъ сталъ часто оставаться наединѣ с
Еленой Павловной въ домѣ Назарьевны, когда
приходилъ туда; мало-по-малу между молодым
людьми завязалась искренняя дружба, которая н

замедлила перейти въ горячую взаимную любовь. Они стали встрѣчаться не только у постели больной Поли, которая къ тому же скоро выздоровѣла, но и дома, и въ саду, и въ рощѣ. Съ грустью думали они о томъ, что скоро настанетъ срокъ отпуска и Ястребову необходимо надо будетъ уѣзжать изъ Коврова Тогда Ястребовъ предложилъ Еленѣ Павловнѣ, объясниться съ отцомъ, и получивъ его согласіе, считаться уже вполнѣ женихомъ и невѣстою. Елена Павловна была согласна; старики Грибковы также были согласны, текъ какъ Ястребовъ имъ уже давно нравился: такъ что состоялась помолвка и Леонидъ Ивановичъ уѣхалъ женихомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая того времени, когда выяснится обстоятельства и когда можно будетъ сыграть свадьбу.

VI.

Напожеонъ не объявилъ еще формально войны Росіи, не перевелъ свое войско черезъ рускія границы. Императоръ Александръ Павловичъ находился тогда въ Вильнѣ, вѣсть о перехоѣ Наполеономъ границы пришла къ Императору тогда, когда онъ находился на одномъ балу, даваемымъ въ честь его. Великодушный императоръ показалъ тутъ истинное мужество; онъ ничѣмъ не далъ понять окружающимъ, что получилъ такое важное извѣстіе. Императоръ продолжалъ оставатьея на балу и окружающіе веселились и не подозрѣвая того, что войска непріятеля уже вступили на рус-

скую землю. На другой день рано утромъ Александръ отправилъ къ Наполеону для переговоровъ своего генералъ-адъютанта Балашова. Александръ желалъ употребить всѣ средства, чтобы избѣгнуть напраснаго кровопролитія, онъ готовъ былъ позабыть вторженіе Наполеона въ Россію и жить попрежнему въ мирѣ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Наполеонъ вернулся и обратно перешелъ бы границу. Но чтобы не показаться Наполеону трусящимъ или спасающимся его, Александръ особенно приказалъ Балашову и неоднократно ему напоминалъ о томъ, чтобы онъ сказалъ Наполеону, что уже если война начнется, то миръ будетъ заключенъ только тогда, когда ни одного непріятеля не будетъ на русской землѣ.

Наполеонъ слишкомъ много понадѣялся на громадное войско, собранное имъ, не согласился отступить опять через границу, а продолжалъ наступленіе. Командующій русской арміей. Барклай де Толи не давалъ сраженія непріятелю, такъ какъ силы непріятеля гораздо превосходятъ наши. Барклай де Толли пока разсчитывалъ на то, чтобы соединиться съ арміей Тормазова, которая пока, находилась значительно важнѣе. Такимъ образомъ началась знаменитая компанія 1812 года, покрывшая неувѣдаемою славою русское войско и русскій народъ. Въ войскахъ нашихъ были, между прочимъ, казаки. Козаки своею отчаянною храбростью, лихостью и смѣкалкою особенно прославили себя въ это трудное для Россіи время. Они до того казались страшными врагамъ, что въ последнее время компаніи стоило только крикнуть слово: „казакъ“, чтобы цѣлыя толпы французовъ

обращались въ бѣгство.—Войско наше, какъ мы уже сказали, отступало; отступили вмѣстѣ съ ними и казаки. во они не удовольствовались простыми отступленіями, всегда искали случая какъ-нибудь напасть на французовъ. Конечно эти отдѣльныя нападенія не могли принести французамъ сильнаго вреда, но они все таки безпокоили врага и поднимали духъ остального русскаго войска, такъ какъ молва о подвигахъ казаковъ быстро разносилась какъ по войску, такъ и по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Ооабенно прославились казаки, находившіеся въ отрядѣ атамана Платова.

Атаманъ Платовъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ и настоящій казакъ въ душѣ. Онъ былъ отцомъ командиромъ, товарищемъ своихъ казаковъ, несмотря на свой высокій чинъ. Платовъ дѣлалъ съ своими казаками чудеса храбрости и неустрашимости и не прятался самъ за другихъ, а самъ подавалъ примѣръ и былъ всегда впереди отряда. Не пересчитать всѣхъ тѣхъ подвиговъ, какіе были совершены отрядомъ казаковъ Платова въ отечественную войну. Каждый день ознаменовывался для этихъ храбрыхъ витязей какимъ либо подвигомъ, а бывали и такіе дни, когда приходилось по нѣсколько разъ показывать передъ многочисленнымъ непріятелемъ свою храбрость и геройскую отвагу. Не только французы стали бояться казаковъ, но и русскій простой народъ, слыша постоянно о сверхъестественныхъ подвигахъ Платова, называлъ его въ своей простотѣ какимъ-то колдуномъ, который могъ быть и оборотнемъ, то есть принимать на себя различные виды; говорятъ, что Платовъ часто самъ бывалъ въ лагерѣ непріятелей, и

недаромъ сложилась про Платова пѣсня, въ кото-
рой поется, что

Платовъ бороду обрилъ,
У французъ въ гостяхъ былъ.

Недалеко отъ Вильны въ густомъ лѣсу засѣл отрядъ Платова. Цѣльный день шелъ проливно дождь и ночью не переставалъ онъ падать на зе лю, хотя уже и не съ такою стремительность съ какою онъ шелъ днемъ. Казаки сидѣли дрож отъ холода, но не рѣшались развести костров боясь выдать себя непріятелю. Они поджидали н большой свой отрядъ, посланный на развѣдк чтобы узнать о мѣстѣ нахожденія французских войскъ.

Въ кучкахъ казаковъ потихоньку вполголоса в лись переговоры о наступающемъ на Россію н пріятелѣ.—„Слышь Панфилычъ, говорятъ этот самый Наполеонъ съ чортомъ знакомъ и разно колдовство знаетъ!"—говорилъ молодой безусы казакъ казаку съ длинной сѣдой бородой, сидѣ шему рядомъ съ нимъ.

— Какое жъ такое колдовство!—съ усмѣшко спрашивалъ старикъ легковѣрнаго молодого.

— А вотъ какое; что онъ захочетъ, то и сдѣ лаетъ; захочетъ въ звѣря или въ кого другого обер нуться, ну и обернется; а то, можетъ быть и шап ка невидимка есть: надѣнетъ онъ ее —и ищи ег вѣкъ не найдешь.

— И посмотрю я на тебя,—сказалъ старый ка закъ,—совсѣмъ ты еще молодъ; молоко на губах не обсохло, а врать гдѣ то ты выучился здорово

Вотъ погляди ка какую взбучку задастъ наш атаманъ Платовъ этому колдуну. Такъ угостим

, что онъ въ бѣгахъ изъ Россіи и свою шапку-видимку потеряетъ.

— А почему же Панфилычъ, этотъ Наполеонъ ...олько народовъ и королевствъ покорилъ?

— Почему? А это, братъ вотъ почему; нала...ль то онъ больше на такіе народы недружные ...хилые, а онъ, дѣло извѣстное, воинъ хорошій, ...ть онъ и подобралъ всѣхъ мозгляковъ подъ свою ...асть. Напрасно онъ теперь только на Россію ...етъ, жилъ бы себѣ да и командовалъ разными ...мцами, а теперь идетъ на свою гибель, будетъ ...у капутъ въ матушкѣ Россіи.

Въ это время послышались шаги прибывшихъ ... развѣдки казаковъ и топотъ коней, которыхъ ...и вели въ поводу.

— Къ атаману Платову какъ пройти!—кричалъ ...стый казачій офицеръ, подойдя къ кучкѣ раз...варивающихъ казаковъ.

— Недалеко, ваше благородіе, отвѣчалъ Пан...лычъ. Ну ка, Удальцовъ, проведи ихъ благоро...іе! обратился старикъ къ этому молодому безу...ому казаку, съ которымъ онъ разговаривалъ о Наполеонѣ передъ появленіемъ офицера.

Удальцовъ вышелъ впередъ и повелъ за собою ...фицера, пройдя нѣсколько шаговъ лѣсомъ, они ...вышли на небольшую лѣсную полянку, лежащую ... глубокой лощинѣ, черезъ которую протекалъ ...учеекъ. Тутъ также виднѣлись отдѣльныя кучки ...азаковъ, но костровъ также не было и царила ...устая темнота: только слабый свѣтъ луны и звѣздъ ...е давалъ возможности натолкнуться на сидящихъ ...юдей. „Гдѣ атаманъ? Атаманъ Платовъ гдѣ?— ...прашивалъ по дорогѣ Удальцовъ у казаковъ.

— Тебѣ что же, къ самому Платову?

— Да, къ нему къ самому,—отвѣчалъ Удальцов спрашивающему его рыжему плечистому казаку

— Молодъ еще до самого то доходить. Каќ такія дѣла?

— Да не мнѣ это; я вотъ ихъ благородіе веду

Рыжій казакъ смутился, только тутъ замѣтив стоящаго за Удальцовымъ офицера.

— А это, ваше благородіе, пожалуйста вотъ так внизъ по овражку; а тамъ у самаго ручейка увидите самого атамана.

Удальцовъ съ офицеромъ спустились внизъ оврага и дѣйствительно въ скоромъ времени наткнулись на могучую фигуру Платова неподвижно лежащаго на спинѣ и глядящаго на звѣздное небо.

— Откуда?—рѣзко спросилъ Платовъ.

— Изъ разъѣзда, на развѣдкахъ были.

— Ну, что хорошаго принесъ?

— Главныя непріятельскія силы ушли далеко впередъ, обозъ непріятельскій идетъ частями, много его уже прошло, но послѣдняя часть поотстала.

— Великъ обозъ?

— Да подводъ въ этой послѣдней части до ста будетъ.

— А прикрытіе?

— Прикрытіе тоже порядочное, пожалуй поболѣе роты.

— Обозъ надо перехватить непремѣнно.

— Какой сотнѣ прикажете выступать?

— Дуракъ ты братецъ, „какой сотнѣ" отбери человѣкъ пятьдесятъ охотниковъ, да и нагрянь. Больно жирно для нихъ будетъ по сотнѣ то высылать. А какъ костры разводить можно, наши станичники продрогли всѣ?

— Нѣтъ, атаманъ, обозъ подходитъ почти къ самому лѣсу,—замѣтятъ и тревогу сдѣлаютъ. Надо подождать, пока мы вернемся съ набѣгу.

— Ну такъ айда! Да, поскорѣе: дѣло; вѣдь, пустяковое!

— Постараемся

Офицеръ съ Удальцовымъ отправились обратно въ лѣсъ, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ были казаки офицеръ, обращаясь къ нимъ, сказалъ:

— Ну, земляки-станичники, надо намъ сейчасъ у француза отбить подводъ сто обоза. Атаманъ велѣлъ для этого дѣла набрать человѣкъ пятьдесятъ охотниковъ. Кто желаетъ выходи ко мнѣ скорѣе.

Какъ одинъ человѣкъ кинулись казаки по направленію къ офицеру и старались встать къ нему, какъ можно ближе, какъ будто тотъ, кто станетъ поближе къ офицеру, пойдетъ въ набѣгъ непремѣнно. Всѣмъ надоѣло скучное бездѣлье и у всѣхъ зудѣли руки на француза.

— Да что мнѣ, братцы, со всѣми дѣлать. Атаманъ приказалъ только пятьдесятъ человѣкъ. — закричалъ офицеръ.

— Жребій кинуть, ваше благородіе!

— Есть когда тутъ жребій кидать; пока мы будемъ жеребьевку дѣлать, французскій то обозъ у насъ подъ носомъ пройдетъ,—сердился уже офицеръ.

— Ваше благородіе, что съ ними толковать. Отберите пятьдесятъ крайнихъ, да и съ богомъ.

Офицеръ принялъ этотъ совѣтъ и моментально отобравъ казаковъ, пошелъ съ ними изъ лѣса.

Въ числѣ этихъ казаковъ находился также и молодой Удальцовъ.

Выйдя изъ лѣса, офицеръ приказалъ казакамъ сѣсть на коней. Казаки сѣли въ сѣдла и поѣхали мелкою рысью по опушкѣ лѣса, направляясь къ большой дорогѣ.

— Ребята,—говорилъ офицеръ,—мы ихъ будемъ ждать на углу лѣса. Какъ дамъ знакъ, кидайтесь разомъ и не давайте имъ опомниться. Руби всѣхъ. Если не налетишь на врага, то руби лошадей или сбрую.

Доѣхавъ до угла, которымъ лѣсъ выходилъ на дорогу, казаки притаились и ждали появленія врага. Ждать пришлось очень не долго: вскорѣ послышались отдаленные звуки приближающаго непріятельскаго обоза: звуки эти становились все ближе и ближе, слышнѣе и слышнѣе и вотъ уже въ ночной темнотѣ можно было различить приближающіяся передовыя повозки.

Казаки пропустили почти половину обоза и потомъ сразу съ гикомъ и криками ура, накинулись на сопровождавшій отрядъ.

Французы и не думали о возможности нападенія на нихъ послѣ того, какъ благополучно прошли ихъ главныя силы. Обезумѣвъ они не знали, что дѣлать; многіе изъ нихъ бросали оружіе и только тогда начали отбиваться французы, когда уже болѣе половины ихъ были изрублены или находились въ плѣну.

Передовыя повозки бросились было на утекъ, но молодой Удальцовъ давно уже смекнулъ объ этомъ и подговоривъ человѣкъ пять товарищей, бросился на перерѣзъ старающимся укрыться повозкамъ.

Весь обозъ достался казакамъ; французы всѣ были или перебиты, или взяты въ плѣнъ, и торжествующіе казаки отправились къ оставленнымъ въ

ѣсу товарищамъ. По дорогѣ они встрѣтили самого Платова, который не утерпѣлъ и заслышавъ выстрѣлы, выѣхалъ навстрѣчу охотникамъ.

— Ну, что, братцы?—громко крикнулъ Платовъ, подъѣзжая къ казакамъ.

— Ура!—кричали тѣ, а офицеръ подскакавъ къ Платову, докладывалъ ему, что французы всѣ разбиты и обозъ въ нашихъ рукахъ.

— Спасибо, станичники, благодарилъ Платовъ.— Хорошо-ли знаете, что уходили всѣхъ французовъ. Если одного отпустили и то бѣда, проскользнетъ онъ къ своимъ и выдастъ насъ.

— Всѣхъ; кто не изрубленъ, тотъ въ плѣну!

— Молодцы! Теперь подъѣзжайте къ своимъ, да велите костры раскладывать. Я пришлю сюда людей, чтобы убрали обозъ и убитыхъ съ дороги, а вы отдыхайте!

— Ну, дядя Панфилычъ,—говорилъ молодой казакъ, сидя у костра,—и раздѣлали же мы этихъ французовъ.

— Поди, чай, здорово дрались?

— Какой здорово? просто какъ полоумные какіе стали, сами не знаютъ что дѣлать. Налетѣли-то мы на нихъ невзначай, они и ополумѣли. Хватились драться, когда ужъ въ нашихъ рукахъ были; передовые-то хотѣли было на утекъ, да мы ихъ отрѣзали. Троихъ я, Панфилычъ, здорово ударилъ; еще наскакивалъ на двоихъ, да тѣ и оружіе свое покидали и что-то по своему бормотать стали; должно быть пощады просили!

— Этихъ, братъ, и надо пощадить; потому, безъ оружія, не воинъ? - поучалъ Панфилычъ Удальцова.

— Я и то тѣхъ не тронулъ, только забралъ.

По всему лѣсу запылали костры; теперь не над было бояться непріятеля, можно было обогрѣтьс и отдохнуть. Позаботились казаки и объ ужинѣ закипѣли котелки. А когда прибыли казаки, отправ ленные Платовымъ для очистки дороги на мѣст схватки, то оказалось, что въ обозѣ между про чимъ было достаточно вина и Платовъ приказал поднести своимъ молодцамъ по порядочной порціи.— Весело принялись усталые, промокшіе и голодные казаки за ужинъ, а винная порція еще болѣе уси лила ихъ аппетитъ и подняла настроеніе духа. По ужинавъ, многіе завалились спать около горѣв шихъ костровъ, а многіе, какъ будто позабыли свою усталость и, собравшись кучками а то и дѣло поодиночкѣ, затягивали пѣсни про свой родимый Донъ, про свои родныя станицы или про своихъ зазнобушекъ; другіе же, сидя около костровъ, слу шали внимательно, съ замираніемъ сердца, раз сказы старыхъ бывалыхъ казаковъ о казачьихъ подвигахъ въ битвахъ съ турками и поляками.

Скоро затѣмъ въ лѣсу все умолкло и только сторожевые казаки въ лѣсу и на опушкѣ чутко прислушивались ко всему, охраняя безопасность своихъ уставшихъ и отдыхающихъ товарищей.

VII.

Русская армія, предводимая Барклаемъ-де-Толли, продолжала отступать. Осторожный полководецъ составилъ планъ истребленія непріятелей затягиваніемъ ихъ внутрь Россіи. Барклай-де-Толли зналъ, что чѣмъ болѣе онъ будетъ углубляться въ Россію,

тѣмъ сильнѣе будетъ становиться русское войско, получая отовсюду подкрѣпленія и соединившись съ другими арміями. Французы-же идя по незнакомой странѣ должны были слабѣть болѣе и болѣе, какъ отъ мелкихъ стычекъ, такъ и отъ нападенія на нихъ казаковъ и другихъ мелкихъ отрядовъ.

Отступленіе продолжалось, и войска наши подходили уже къ Смоленску.—Люди не понимавшіе или незнавшіе плана русскаго главнокомандующаго, не могли понять, что означаетъ постоянное отступленіе русской арміи. Находились и такіе, которые глядя на не русскую фамилію главнокомандующаго, подозрѣвали его даже въ измѣнѣ.

Всѣ полагали, что подъ Смоленскомъ будетъ битва и что Смоленскъ, Дѣйствительно, не отдатутъ безъ боя.

Барклай-де-Толли разсчитывалъ подъ Смоленскомъ соединиться съ Южной русской арміей.

Въ Смоленскѣ засѣла часть русскихъ войскъ и непріятель подойдя къ городу сталъ громить его артиллеріей.

Отрядъ Платова находился также при войскѣ. Атаманъ Платовъ сидѣлъ съ нѣсколькими казачьими офицерами въ какой-то избушкѣ около Смоленска и обдумывалъ какой-то важный вопросъ.

— Какъ же, братцы, придумаемъ что ли какъ насолить французу?—спрашивалъ Платовъ у присутствующихъ.

— Надо бы что нибудь придумать?—говорилъ сѣдой есаулъ.

— Такъ думайте!

Всѣ задумались. Нѣкоторые предлагали было разные планы, но Платовъ отклонялъ эти планы, такъ какъ одни изъ нихъ были слишкомъ рискованы, другіе не особенно выгодны.

— Вотъ что надумалъ я, наконецъ Платовъ,— кто эти дни бывалъ въ разъѣздахъ, тотъ небось знаетъ, что верстахъ въ двухъ тутъ протекаетъ какая-то рѣченка. Рѣченка маленькая, глубока: я съ своими молодцами переѣзжалъ ее вплавь и потому знаю. На этой рѣченкѣ проморгали сломать мостъ. Оно, пожалуй, и лучше сдѣлали, что проморгали, только этимъ надо умѣло воспользоваться. Французамъ какъ никакъ, а по этому мосту итти надо; пойдетъ и пѣхота, и конница и артиллерія. Вѣдь недурно бы этотъ мостъ подпилить поаккуратнѣе.

— Хорошо! хорошо!—заговорили въ одинъ голосъ присутствующіе, которымъ видимо по душѣ пришлась опасная затѣя ихъ храбраго атамана.

— Погодите! Это-то хорошо; а можно придумать и лучше. Мостъ мы подпилимъ, а сами встрѣтимъ французовъ на этомъ берегу; а на тотъ берегъ сегодня же ночью тоже вышлемъ сотни двѣ казаковъ; тѣ накинутся на нихъ съ того берега. Сумятоха болшая выйдетъ у француза и потопимъ мы ихъ, если все удастся, не мало.

Всѣ были въ восторгѣ отъ такого предложенія и каждый только и думалъ о томъ, чтобы и его смѣлое предпріятіе.

— Тамъ мостъ надо подпилить сегодня же ночью, это сдѣлаетъ съ своими казаками сотникъ Петренко, онъ же пусть и переправится на тотъ берегъ и пускай тамъ притаится гдѣ-нибудь поаккуратнѣе; а когда надо будетъ, то и накинется на французовъ. Съ казаками Петренко я самъ пойду, а вы останетесь тутъ и не дремлите. Одно помните, что больше намъ надо надѣлать сумятохи и

своихъ много губить не надо. Французовъ и бить не придется, сами на смерть полезутъ.

Всѣ остались вмѣстѣ съ Платовымъ кромѣ сотника Петренко, который пошелъ распорядится и приготовить своихъ казаковъ къ выступленію.

Старикъ Панфилычъ и молодой Удальцовъ находились подъ командою этого сотника. Времени до выступленія оставалось еще достаточно; наши пріятели успѣли хорошо поужинать и отдыхая передъ предстоящей имъ работой, толковали о томъ гдѣ придется имъ быть и что дѣлать въ эту ночь.

— Ночь-то ночь-то,—какая, дяденька будетъ,—говорилъ Удальцовъ Панфилычу.

— Ночь, какъ ночь,—сурово отвѣчалъ Панфилычъ.

И ни одной то звѣздочки не видать и мѣсяцъ куда то запрятался. Темь, хоть глазъ выколи.

— Дуракъ, намъ это на руку.

Раздалась команда и отрядъ сотника Петренко былъ приготовленъ къ отъѣзду. Казаки стояли поджидая атамана, который изъявилъ желаніе ѣхать вмѣстѣ съ ними. Петренко разъѣзжалъ по рядамъ казаковъ и ободрялъ ихъ своими разговорами.

— Помните, ребята, съ нами самъ атаманъ поѣдетъ!

— Понимаемъ, понимаемъ.

— Такъ смотрите у меня, будьте молодцами и лицомъ въ грязь передъ атаманомъ не ударьте!

— Постараемся, послужимъ.

Мелкой рысцой подъѣзжалъ къ выстроившемуся отряду, Платовъ, казаки, благодаря темнотѣ увидали его только тогда, когда онъ вплотную подъѣхалъ къ нимъ.

— Готовы?—спросилъ Платовъ у сотника.

— Готовы, атаманъ—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ съ Богомъ. Смотрите, братцы, не зѣвайте: сегодня подпилимъ мостъ, да спрячемся на томъ берегу получше, а завтра, когда я скажу, ударимъ на врага сильнѣе, съ Богомъ, теперь!

Платовъ обнажилъ голову и перекрестился. Казаки также начали усердно креститься и затѣмъ всѣ подъѣхали къ назначенному мѣсту.

Ночь была, дѣйствительно, совершенно темная; лошади и люди сливались въ одну темную массу. Не только трудно было разглядѣть что-нибудь впереди, но всякій съ трудомъ могъ различить своего товарища. Дорога пошла по мелкимъ, но частымъ кочкамъ подъ гору, лошади поминутно спотыкались и казаки съ трудомъ удерживались въ сѣдлѣ. Замѣтивъ это, Платовъ разсудилъ, что гораздо удобнѣе будетъ сойти съ лошадей и вести ихъ въ поводахъ. Солдаты осторожно, безъ шума исполнили это приказаніе и уже пѣшими добрались до того моста, который имъ предстояло подпилить.

— Дяденька, что же сейчасъ будемъ пилить мостъ-то?—спрашивалъ Удальцовъ у Панфилыча.

— Дуракъ ты, парень. Чѣмъ намъ теперь переплывать рѣку-то, мы чай, перейдемъ ее поаккуратнѣй и по мосту, а подпилить мостъ всегда успѣемъ.

— По мосту иди тише! Можетъ французъ и недалеко гдѣ,—говорилъ Платовъ казакамъ.

Тихо, не слыша шаговъ другъ друга, перешли казаки мостъ.

— Влѣво бери. Тамъ ложбинка, въ ложбинкѣ и засядь.

Казаки взяли влѣво и пошли болотистымъ берегомъ. Тутъ ужъ не слыхать было ни шаговъ, ни звука копытъ, но идти было неудобно: ноги уходили глубоко въ болото.

Держи правѣе, тамъ суше будетъ!

Дѣйствительно, взявъ немного поправѣе, казаки почувствовали у себя подъ ногами твердую землю пройдя которой около полуверсты, они увидали и ту ложбину, о которой имъ говорилъ Платовъ.

Въ ложбинѣ залегли и казаки и лошади. Среди нихъ помѣстился и Платовъ съ сотникомъ. Наши знакомые Панфилычъ и Удальцовъ находились чуть ли не рядомъ съ своимъ начальствомъ и невольно слушали ихъ разговоры.

— Когда прикажете подпиливать мостъ?—спрашивалъ сотникъ Петренко у атамана Платова.

— Самъ не знаю, какъ лучше сдѣлать? Надо бы разузнать, когда и какое войско будетъ у нихъ переходить. А какъ это узнаешь? задумчиво говорилъ Платовъ.

— Языка бы достать, да у него вывѣдать.

— Какой теперь языкъ. Кто пойдетъ въ такую темь. Того и гляди, что самъ прямо къ французамъ въ лапы придешь.

Дѣйствительно, темнота была такъ сильна, что нельзя было и думать итти отыткивать языка на обумъ, между тѣмъ несомнѣнно было и то, что языкъ могъ бы теперь очень пригодится и дать свѣдънія о томъ, когда и въ какомъ порядкѣ намѣреваются переправиться французы.

Старикъ Памфилычъ слышалъ этотъ разговоръ атамана и совершенно неожиданно явился къ нему на выручку.

— Дозвольте, я добуду языка у французовъ.

Платовъ посмотрѣлъ на говорившаго и увидѣвъ передъ собою внушительную сѣдую бороду Панфилыча, подумалъ, что этотъ старикъ зря болтать не станетъ и если придумалъ что-нибудь, такъ должно быть во всякомъ случаѣ дѣльное.

— Эй, старикъ, обдумалъ ли ты, что говоришь?—спросилъ Платовъ, обращаясь къ Панфилычу.

— Коли Богъ поможетъ, добуду непремѣнно.

— Да что ты будешь въ такую темь дѣлать? Самъ попадешься французамъ въ лапы!

— Самъ понимаю, что темно; да мнѣ это нипочемъ; потому я еще засвѣтло запримѣтилъ, гдѣ на всякій случай можно достать француза!

— Молодецъ, догадливъ. А не запутаешься ты? Не собьешься съ дороги-то?

— Никакъ нѣтъ. У мень примѣты есть вѣрные.

— Кого же ты съ собой возьмешь?

— Мнѣ много не надо; есть тутъ у насъ одинъ паренекъ; кажись изъ нашей же сотни, Удальцовъ. Мы вдвоемъ и отправимся; часа черезъ два вернемся, коли Богъ велитъ.

— Ну, съ Богомъ. Только береги себя.—и Платовъ отпустилъ Панфилыча.

Панфилычъ отправился къ Удальцову и велѣлъ ему сбираться въ путь.

— Ну-ка, паренекъ, бери скорѣе коня, да и маршъ!

— Куда, дяденька?

— А ты не кудакай, дурья голова. Сказываютъ надо идти, такъ и пойдемъ. Самъ Платовъ велѣлъ. Говори спасибо, что я ему на тебя указалъ, а то бы и другого взялъ съ собою.

Удальцовъ молча взялъ коня и пошелъ за Панфилычемъ. Панфилычъ повелъ молодого казака по направленію къ тому мѣсту, которое они только что переѣхали.

Темь продолжала быть прежняя. Панфилычъ остановился и далъ Удальцову подойти къ нему затѣмъ пошелъ рядомъ съ нимъ и негромко началъ объяснять ему, въ чемъ дѣло.

— Видишь ли, атаману Платову непремѣнно надо языкъ привести, значитъ хочетъ онъ чтобы привели къ нему француза живьемъ. По такой темнотѣ, если кто знаетъ, какъ пробраться, сдѣлать это можно. А я запримѣтилъ, что около одного бугорка стояло трое французовъ, вродѣ какъ бы часовыхъ. Такъ вотъ, когда я скажу тебѣ кидаться на французовъ, ты помни, что колоть надо двухъ, а одного непремѣнно мы должны доставить живьемъ. Понялъ теперь?

— Понялъ, дяденька, понялъ.

Отойдя нѣсколько по ту сторону моста, Панфилычъ оставилъ лошадей у Удальцова, а самъ ползкомъ сталъ приближаьься къ заранѣе намѣченному имъ мѣсту.

Тихо, осторожно подвигался старикъ и заслышавъ гдѣ то французскій говоръ, остановился.

Приблизившись еще немного, Панфилычъ замѣтилъ, что французовъ было дѣйствительно трое, двое изъ нихъ сидѣли около почти совсѣмъ потухшаго костра, а третій должно быть спалъ. Разглядѣвъ все, что ему было надо, Панфилычъ съ тою же осторожностью отправился назадъ къ Удальцову.

— Трое ихъ тамъ, паренекъ! Двое сидятъ и что-то по своему калякаютъ, а третій спитъ; какъ

подполземъ мы, ты приколи того, что сидитъ направо, лѣваго я возьму на себя. Только сдѣлай все разомъ, чтобы не поднять тревоги. Какъ этихъ приколимъ, то сонному заткнемъ ротъ и поволокемъ его.—Подползли казаки вдвоемъ и доползши до французовъ, остановились, чтобы перевести духъ.

Между тѣмъ безпечные французы и не подозрѣвали, что имъ грозитъ опаснотть и что минуты ихъ на этомъ свѣтѣ уже сочтены. Они сидѣли смѣялись надъ русскими и говориги о томъ, какъ они возьмутъ Москву, какіе богатые подарки принесутъ оттуда на родину.

Вдругъ французы почувствовали, что ихъ сзади охватили какія то крѣпкія руки и въ одно мгновеніе, не успѣвъ даже вскрикнуть оба француза валялись въ предсмертныхъ судорогахъ.—Панфилычъ съ Удальцовымъ удачно выбрали время для своего нападенія. Третьяго француза Удальцовъ схватилъ поперекъ туловища и тащилъ къ лошадямъ. Сѣвъ на лошадей, казаки во весь опоръ поскакали съ своимъ плѣнникомъ къ атаману Платову.

Платовъ сидѣлъ на широкомъ пнѣ дерева сломаннаго бурею и попросту толковалъ съ казаками, которые кружкомъ стояли около своего любимаго атамана. Вспоминали здѣсь о своей родинѣ и думали о томъ, что предстоитъ имъ исполнить сегодня и завтра утромъ.

— Языка Панфилычъ добылъ, языка добылъ,—раздались голоса около Платова.

— Ой-ли? Ну, молодецъ. Гдѣ онъ? давайте скорѣе!

Толпа разступилась и пропустили Панфилыча и Удальцова, которые, радостно улыбаясь, подвели къ атаману захваченнаго ими француза.

— Молодецъ, старикъ! Давай поцѣлуемся и Платовъ крѣпко обнялъ отличившагося старика;—вотъ услужилъ такъ услужилъ. А это тотъ, кто съ тобой ходилъ?—спросилъ Платовъ, указывая на Удальцова.

— Такъ точно, онъ самый.

— Ну, братецъ мой, и ты забытъ мною не будешь. Какъ тебѣ будетъ фамилія то?

— Удальцовъ.

— Ну и впрямь ты удалецъ. Я тебя попомню!

Начался допросъ плѣннаго, который долго не могъ прійти въ себя, а когда одумался, то долго не могъ понять, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ находится въ настоящее время; съ недоумѣніемъ и испугомъ онъ разглядывалъ лица окружавшихъ его казаковъ и едва едва только могъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы.

Оказалось, что первыми будутъ переходить мостъ французскіе кавалеристы, а за ними пойдетъ пѣхота, съ которой есть три пушки.

Отобравъ эти свѣдѣнія, Платовъ роспорядился отвести плѣннаго француза и караулить его построже, а самъ, выбравъ нѣсколько охотниковъ, провелъ ихъ подъ мостъ.

— Конныхъ ребята, пропусти; ихъ тамъ наши встрѣтятъ на томъ берегу, а какъ пѣхота съ пушками взойдетъ на мостъ, то и вали ее; сами выплывайте на тотъ берегъ,—распоряжался Платовъ казакамъ.

Было уже далеко за полночь и потому казаки выставивъ сторожевыхъ, уснули крѣпкимъ сномъ, какъ будто черезъ нѣсколько часовъ имъ не предстояло битвы съ непріятелемъ. Какъ только прошла утреняя заря и поднялось солнце, какъ потя-

нулась къ мосту французская кавалерія и не з
мѣчая никакой опасности, весело переѣхала ч
резъ мостъ. За кавалеріей потянулась пѣхота с
пушками.

И вдругъ случилось то, чего французы никак
не могли ожидать. Какъ изъ земли выросли и с
крикомъ налетѣли съ боку на нихъ казаки, им
впереди себя Платова и мостъ, на которомъ сто
ло много солдатъ и пушки, подломился. Платов
впереди казаковъ ворвался въ средину французо
и рубилъ ихъ во всѣ стороны, казаки не отстав
ли отъ своего храбраго атамана, французы почт
не защищаясь падали на этомъ берегу, тонули в
рѣкѣ, а перешедшую мостъ французскую кав
лерію рубилъ на томъ берегу многочисленный о
рядъ казаковъ.

Оставшаяся на этомъ берегу французская пѣхо
та обратилась въ бѣгство, казаки въ горячахъ на
чали было преслѣдовать враговъ, но Платовъ пр
кратилъ преслѣдованіе, опасаясь нарваться на глав
ныя силы непріятеля, которыя по его разсчет
должны находиться не въ очень далекомъ разсто
ніи. Платовъ съ казаками переправились на пр
тивоположный берегъ и помогъ тамъ окончател
но добить французскую кавалерію.

VIII.

Подъ Смоленскомъ вся наша армія не осталась. Но все-таки Смоленскъ не отдали безъ боя; бой былъ очень жестокій. Городъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ русскихъ ко врагамъ и наоборотъ. Наконецъ, когда жители Смоленска выбрались и вывезли съ собою чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, а городъ былъ окончательно разрушенъ тогда выступилъ оттуда и храбрый рускій гарнизонъ.

Французы взяли не Смоленскъ, а только развалины Смоленска.

Войска главной арміи продолжали отступленіе, какъ это входило въ планъ главнокомандующаго Барклая-де Толли. Ропотъ и недовольство народа и арміи на отстсупленіе передъ непріятелемъ становились все сильнѣе и сильнѣе даже до Петербурга, до самого государя доходили слухи о недовольствѣ народа на главнокомндующаго.

Тогда государь, чтобы положить конецъ этимъ смутнымъ толкамъ, рѣшилъ перемѣнить главнокомандующаго арміи,

Воборъ императора палъ на извѣстнаго боевого генерала Кутузова, въ военномъ дѣлѣ былъ ученикомъ Суворова; онъ подъ его начальствомъ находился въ турецкую войну и обратилъ на себя вниманіе, какъ на офицера очень храбраго, умнаго и хитраго.

Выборъ императора былъ очень удаченъ; народъ съ восторгомъ принялъ извѣстіе о назначеніи новаго главнокомандующаго. Путь Кутузова до Петербурга въ дѣйствующую армію былъ церемоніальнымъ шествіемъ: его вездѣ встрѣчалъ народъ и духовенство. По прибытіи Кутузова къ арміи былъ назначенъ смотръ войскамъ и вотъ, когда Кутузовъ объѣзжалъ ряды войскъ, то откуда ни взялся огромный орелъ и началъ парить надъ старымъ генераломъ. Генералъ снялъ фуражку; а солдаты, видя въ орлѣ хорошее предзнаменованіе, огласили окрестности громкими криками „ура!" и въ рядахъ пронеслась поговорка: „пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ".

Возвращаясь въ свою квартиру, Кутузовъ увидалъ почетный караулъ около своего дома и громко сказалъ: „да развѣ можно отступать съ такими молодцами?!

Не смотря однако на общее желаніе войска и народа дать битву непріятелямъ, Кутузовъ на первое время продолжалъ отступленіе; такъ какъ онъ видѣлъ, что поблизости нигдѣ не было удобнаго для битвы мѣста.

Такое мѣсто было найдено, наконецъ, въ Московской губерніи, Можайскомъ уѣздѣ, около селенія Бородина: здѣсь-то и произошла одна изъ кровавопролитнѣйшихъ въ исторіи человѣчества битвъ—Бородинская битва. Наши остановились и начали готовить редуты и укрѣпленія французы также остановились и готовились принять битву. Русскіе приготовились къ битвѣ, какъ къ великому святому дѣлу; по рядамъ русскихъ войскъ носили вывезенную изъ Смоленска чудотворную икону Смоленской Божіей Матери; передъ ней служились

молебны и всѣ воины прикладывались къ чудотворному образу съ умилительными слезами на глазахъ; многія изъ русскихъ воиновъ какъ бы приготовлялись къ вѣрной смерти; надѣли на себя чистое бѣлье, въ которомъ хотѣли быть погребенными. Французы же готовились къ битвѣ съ какою-то дикою радостью. Наполеонъ передъ битвой написалъ воззваніе къ своей арміи, которое велѣлъ прочитать передъ своими солдатами Въ этомъ воззваніи Наполеонъ поздравлялъ свое войско съ концомъ похода, говорилъ, что эта битва, откроетъ путь въ Москву, гдѣ солдаты найдутъ всего въ изобиліи. Возбуждалъ храбрость своихъ войскъ Наполеонъ и тѣмъ, что напоминалъ о величіи и важдости этой битвы; онъ между прочимъ въ своемъ воззваніи писалъ такъ: „пусть скажутъ про каждаго изъ васъ, что онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой“. Состояніе обоихъ войскъ сраженіемъ одинъ поэтъ описывалъ въ слѣдующихъ стихахъ:

И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивуакъ открытый:
Кто киверь чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.

И дѣйствительно бой начался съ самаго разсвѣта. французами распоряжался самъ Наполеонъ, русскими—Кутузовъ. Бой былъ до того жестокъ, что нѣкоторые редуты и батареи по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки. Казаки неодно-

кратно схватывались съ французской кавалеріей и часто наскакивали на пѣхоту. Ниполеонъ, наблюдая за ходомъ битвы, замѣтилъ, что русскіе особенно крѣпко держатся на одной батарѣе и сдѣлалъ распоряженіе, во что бы то ни стало, взять эту батарою,—на нее были отправлены отборныя французскія войска и подъ конецъ была выслана лучшая французская кавалерія подъ начальствомъ любимца Наполеона Мюрата.

Русскіе дрогнули, силы ихъ надломились, подкрѣпленій давно не было да и ждать ихъ было неоткуда, приходилось имъ умирать или отступать отъ многочисленнаго непріятеля.

Но Платовъ и его казаки не дремали, какъ орлы летали они по полю битвы, нападая то тамъ, то сямъ на французовъ и выручая своихъ въ трудныя минуты боя.

Платовъ замѣтилъ бѣтственное положеніе батареи и крикнувъ казакамъ: „выручайте братцы!“ — налѣтѣлъ съ боку на кавалерію Мюрата. Ударъ былъ до того неожиданъ, нападеніе до того стремительно, что французы не успѣли опомниться и смятые казаками обратились въ бѣгство. Батарея была спасена.

Только ночь была въ состояніи прикратить Бородинскій бой. Трудно было знать, кто остался побѣдителемъ; обѣ арміи удержали засобою тѣ же мѣста, на которыхъ они были и до начала боя. Но если принять во вниманіе, что нападали французы, что у французовъ и арміи и орудій было болѣе, нежели у русскухъ, то съ увѣренностію

жно сказать, что побѣда была на сторонѣ рус-
хъ. Самъ Наполеонъ, припоминая потомъ въ
ылкѣ о всѣхъ своихъ походахъ и битвахъ, гово-
лъ, что изо всѣхъ, данныхъ имъ битвъ, Боро-
нская битва была самая кровопролитная и не-
ачная.

На другой день Кутузовъ, видя, что русская
мія (какъ и французская) понесла значительный
онъ, не захотѣлъ начинать вновь битвы и при-
залъ войскамъ отступать по направленію къ
оквѣ.

Казаки, сопровождавшіе армію, рыскали по ок-
стностямъ, добывая провіантъ для себя и для
угихъ и помогая жителямъ уничтожать запасы,
обы они не попали въ руки непріятелей. Еще
для кого не былъ рѣшенъ вопросъ: отдадутъ-ли
скву безъ битвы, или подъ Москвою будетъ
льшое сраженіе. Большинство думало, что подъ
осквою битва будетъ дана непремѣнно. Русскіе
йска остановились подъ самой Москвою около
ревни Фили. И здѣсь въ избушкѣ одного кре-
янина былъ собранъ военный совѣтъ, на кото-
й Кутузовъ созвалъ генераловъ. Мнѣнія на со-
тѣ были разныя: болѣе опытные люди совѣто-
ли отдать Москву безъ боя, болѣе горячіе совѣ-
вали драться подъ Москвою не на жизнь, а на
ерть. Но когда Кутузовъ сказалъ, что съ поте-
ю Москвы не потерявъ армію мы все равно по-
раемъ и Москву, тогда восторжествовало мнѣніе
рвыхъ и было рѣшено отдать первопрестольную
олицу безъ боя. Объ этомъ рѣшеніи было объ-
лено московскому губернатору Растопчину, но

Москва давно уже готовилась къ принятію непріятеля, почти всѣ жители оставили городъ и вывезли съ собою все наиболѣе цѣнное.

Наполеонъ, подойдя къ Москвѣ, долго любовался на нее съ Поклонной горы и не только удивился, но и сильно разгнѣвался, узнавъ, что ему передъ Москвой не будетъ сдѣлано такой почетной встрѣчи, какую онъ всегда видѣлъ, когда бралъ города другихъ покоренныхъ имъ народовъ. Вмѣсто депутаціи отъ почетныхъ гражданъ къ Наполеону едва могли привести нѣсколько бродягъ иностранцевъ, скитающихся въ оставленной Москвѣ.

Лишь только вступилъ Наполеонъ въ оставленную жителями Москву, какъ со всѣхъ концовъ Москвы начались огромные пожары; русскіе поджигали свои дома, чтобы не дать покоя французамъ. Пожары были до того сильны, что испугался ихъ и Наполеонъ и перебрался изъ Кремлевскаго дворца, гдѣ было онъ остановился, въ загородный Петровскій дворецъ.—Итакъ французы жестоко ошиблись и не нашли себѣ въ Москвѣ желаннаго покоя, о которомъ такъ много говорилъ и который обѣщалъ имъ Наполеонъ. Пожары въ Москвѣ были для французовъ тѣмъ ужаснѣе, что ихъ и тушить-то было нечѣмъ, такъ какъ по распоряженію Московскаго губернатора пожарные обозы и инструменты были отправлены во Владиміръ. Къ бѣдствіямъ, какія терпѣли французы отъ пожаровъ, присоединилось еще вскорѣ и другое большое бѣдствіе, —недостатокъ провіанта для солдатъ и лошадей.

Несмотря на то, что Наполеонъ разослалъ объявленія по деревнямъ, чтобы крестьяне свозили

провіантъ въ Москву, гдѣ за все будутъ разсчитываться съ ними, никто изъ крестьянъ ничего не привозилъ въ городъ, и французы были вынуждены отправлять отряды по окрестностямъ Москвы для добыванія провіанта. Но эти отряды часто попадались въ руки крестьянъ и казаковъ, которые сторожили враговъ по всѣмъ направленіямъ.

Платовъ сидѣлъ въ избушкѣ одной подмосковной деревни; деревня эта и ближайшія деревеньки еще не были разграблены французами, но Платовъ добылъ вѣрныя свѣдѣнія, что французы скоро будутъ въ этихъ краяхъ. Онъ и теперь выслалъ казаковъ, чтобы выслѣдить приближеніе непріятеля. Въ скоромъ времени на рысяхъ подъѣхалъ къ избушкѣ одинъ казакъ, мигомъ соскочилъ съ коня и вбѣжалъ къ сидѣвшему въ избушкѣ атаману.

— Ну, что?—спросилъ Платовъ.

— Идутъ! И много ихъ идетъ: поболѣе тысячи будетъ!

— Догадались, проклятые! закричалъ Платовъ: не стали теперь ходить въ разбросъ. Ишь вѣдь почти цѣлую армію послали. Ну, да мы и съ тысячей управимся. Нашихъ они не видали?—спросилъ Платовъ, обращаясь къ казаку.

— Нѣтъ, надо полагать не замѣтили!

— Ну и не надо показываться!

Затѣмъ Платовъ, выйдя изъ избушки, собралъ свой отрядъ и велѣлъ немедленно скакать въ лѣсъ версты за двѣ отъ деревни. Время было къ вечеру и Платовъ надѣялся, что французы останутся ночевать въ деревнѣ.

— Ребята, пусть изъ васъ найдется человѣкъ десять охотниковъ, да поѣдутъ послѣдить за французами. Надо знать, останутся они ночевать или нѣтъ; если останутся, то мы ихъ накроемъ ночью, а если уйдутъ, то надо какъ-нибудь напасть на нихъ въ догонку и не дать имъ увезти запасы!

Съ десятокъ казаковъ поѣхали къ деревнѣ и залегли около нея, отовсюду наблюдая за французами, уже вступившими въ деревню и начинавшими тамъ хозяйничать.

Французы, вступивъ въ деревню, сразу же догадались, по нѣкоторымъ оставленнымъ предметамъ, что тутъ были казаки, и подумали, что казаки увидали ихъ многочисленность и, испугавшись, обратились въ бѣгство; такое предположеніе очень понравилось французамъ.

„Чортъ съ ними, съ казаками! мы устали и такъ, не будемъ ихъ преслѣдовать, а отдохнемъ и переночуемъ тутъ! — кричалъ французскій офицеръ, командовавшій отрядомъ".

И французы расположились на отдыхъ и ночлегъ въ деревнѣ. Казаки наблюдавшіе за отрядомъ французовъ, какъ только замѣтили, что въ отрядѣ начало утихать, то сообразили, что французы остаются въ деревнѣ и поскакали увѣдомить объ этомъ атамана.

— Ночуютъ, атаманъ, французы!

— Спасибо имъ, намъ только того и надо было, — отвѣчалъ Платовъ и тутъ же велѣлъ выбрать охотниковъ, которые подожгли бы деревню со всѣхъ

концовъ, а самъ съ казаками пошелъ въ лѣдь за-охотниками, разсчитывая въ суматохѣ напасть на непріятеля, который гораздо превосходилъ его числомъ.

„Помни, ребята кидайся разомъ. Не давай врагу опомниться, души его и пощады не давай никому!“ говорилъ Платовъ казакамъ

Утоливши мучившій ихъ голодъ и радуясь, что нашли наконецъ мѣсто отдохнуть послѣ долгихъ скитаній за провіантомъ, французы спали какъ убитые. Разставленные кое гдѣ часовые тоже не могли долго бороться со сномъ. Нѣкоторые изъ нихъ дремали а другіе и совсѣмъ похрапывали. Да и зачѣмъ имъ было быть очень осторожными они думали что казаки испугались ихъ и теперь гдѣ-нибудь бѣгутъ безъ оглядки. Но казаки не бѣжали, а приближались по деревенскимъ задамъ и подпаливали одно строеніе за другимъ Медленно сначала, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе охватывало пламя сухіе крестьянскія постройки и вдругъ вся деревня очутилась въ огнѣ. Испуганные французы повыскакавъ изъ строеній, и не могли сообразить, откуда и отъ чего произошелъ пожаръ. Они бѣгали изъ дома въ домъ безъ всякой цѣли, какъ умалишенные. Вдругъ раздалось громкое „ура“, и въ деревню со всѣхъ сторонъ влетѣли казаки. — Французы гибли подъ казачьими ударами повсюду и на улицахъ, и въ домахъ и на задахъ

Кучка французовъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ пришла въ себя, схватила оружіе и начала защищаться, отступая по направленію къ одной избѣ, которая не была охвачена пожаромъ Казаки сильно напирали на французовъ и заставляли

ихъ шагъ за шагомъ отступать. Наконецъ французы были загнаны въ самую избу, гдѣ и засѣли не думая сдаваться, а защищались и обстрѣливали оттуда приближавшихся къ нимъ русскихъ.

— Крѣпко засѣли подлецы! Эй, не тронь ихъ, братцы!—кричалъ Платовъ; къ чему мы напрасно будемъ подъ ихнія пули свой лобъ подставлять. Выкурить ихъ надо изъ избы. Тащи соломы да хворосту побольше.

Со всѣхъ сторонъ начали таскать казаки къ осаждаемой избѣ хворостъ, солому и другіе горючіе матеріалы.

Скоро огромный костеръ занялся около избы и сама изба загорѣлась. Нѣкоторые французы задыхались въ дыму, другіе выскакивали и прямо попадали въ руки казаковъ. Изо всего тысячнаго французскаго отряда не осталось ни одного человѣка, который могъ бы хоть принести извѣстіе о гибели отряда.

IX.

Леонидъ Ивановичъ Ястребовъ и Павелъ Павловичъ Грибковъ все это время находились въ арміи-оба были ранены; но раны ихъ были неопасны и не удерживали ихъ отъ слѣдованіи въ армію За Бородинскую битву уже у обоихъ товарищей были георгіевскіе кресты. Они, какъ и всѣ молодые офицеры того воины, горѣли страстнымъ желаніемъ сразиться съ врагомъ подъ Москвою и съ грустью узнали о томъ, что Москва отдается непріятелю безъ боя. Русскіе войска выступали изъ Москвы не торопясь, такъ что многіе еще оставались на одномъ концѣ Москвы, когда непріятель вступилъ съ другого конца. Въ суматохѣ вышла задержка въ переправѣ русскихъ войскъ и Ястребовъ былъ посланъ къ французамъ, чтобы тѣ дали возможность, какъ это было выговорено раньше, отступить русскому войску изъ города, такъ какъ генералъ Милорадовичъ сказалъ, что въ противномъ случаѣ русскіе будутъ драться до послѣдней капли крови. Ястребовъ направился прямо къ французскому генералу, требуя, чтобы его провели къ любимцу Наполеона Мюрату. Французскій генералъ, продержавъ Ястребова довольно долго, оста-

вилъ его начевать и только на другой день привелъ его къ Мюрату; тому было некогда: онъ торопился на смотръ. Ястребовъ опять началъ ждать, Мюратъ его оптравилъ къ другому значительному французскому генералу и вдругъ Ястребовъ ни съ того, ни съ сего, благодаря коварности французовъ, очутился французскимъ плѣнникомъ. Дѣлать было нечего и Ястрѣбовъ поневолѣ влачилъ жалкое существованiе плѣннаго.

Томительоо скучными были дни для Леонида Ивановича, тѣ дни, которые проводилъ онъ въ плѣну, будучи запертъ съ другими русскими плѣнными гдѣ то въ балаганѣ около Дѣвичьяго поля. Ни голодъ, ни холодъ, ни презрительное обращенiе французовъ такъ сильно не безпокоили Ястребова, какъ сознанiе того, что онъ принужденъ сидѣть безъ всякой дѣятельности въ такое роковое для отечества время.

Находясь въ плѣну Ястребовъ много думалъ и о невѣстѣ Еленѣ Павловнѣ Грибковой. Что-то подѣлываетъ теперь она, жива ли еще и гдѣ находится. Ястребовъ ничего этого не могъ знать; онъ зналъ только, что самъ Павелъ Константиновичъ оставилъ семью и набравъ ополченiе изъ своихъ крестьянъ, отправился также сражаться противъ общаго врага.

Французамъ въ Москвѣ становилось день это-дня хуже они не только не могли достаточно кормить плѣнныхъ, но сами голодали. Уже неоднократно Наполеонъ посылалъ пословъ и въ русскому императору и къ главнокомандующему Кутузову съ предложенiемъ о мирѣ, но, напрасно! Императоръ ничего ему не отвѣчалъ, а Кутузовъ когда ему передали, что Наполеонъ желаетъ превратить вой-

ну, отвчтилъ: „скажите Наполеону, что война еще только начинается“. Наполеонъ, видя, что въ Москвѣ ему дѣлать нечего, сталъ готовится къ выступленію и французы вскорѣ потянулись изъ Москвы. Вмѣстѣ съ собою французы захватили и русскихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ Ястребовъ.

Отойдя нѣсколько верстъ отъ Москвы, русскіе плѣнные и тотъ французскій отрядъ, который сопровождалъ ихъ, сдѣлали маленькій привалъ. французы знали, что посредъ ними и за ними идутъ большія французскія силы и потому отдыхали спокойно, ничего неопасаясь.

Вдругъ какъ изъ земли выросъ передъ ними Платовъ съ своими казаками и не опасаясь близкаго присутствія главныхъ непріятельскихъ силъ, положилъ всѣхъ до одного француза и захватилъ съ собою освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ. Отъѣхавъ нѣсколько отъ дороги, Платовъ распорядился накормить плѣнныхъ и подойдя къ нимъ со многими изъ нихъ разговаривалъ. Увидя Ястребова одѣтаго въ рваный офицерскій мундиръ, онъ распросилъ его, какимъ образомъ онъ попалъ въ плѣнъ. Ястребовъ разсказалъ про вѣроломство французовъ и прибавилъ, что онъ теперь очень бѣ желалъ вернуться въ свой полкъ.

— Ну, ваше благородіе, куда теперь про полкъ говорить.—сказалъ Платовъ:—гдѣ его вашъ полкъ-то отыскивать, да и какъ вы къ нему проберететесь.

— Но что же мнѣ дѣлать? Вѣдь я военный, теперь видити, и простые крестьяне дерутся съ врагами.

— Если хотите, вы безъ дѣла сидѣть не будете! — отвѣчалъ Платовъ. Мы сейчасъ перемѣнимъ вашу одежду, дадимъ вамъ лошадь и оружіе и вы оставайтесь съ нами; вы увидете, чтъ вамъ скучать не придется.

Ястребовъ съ радостью согласился на это предложеніе и остался въ геройскомъ отрядѣ Платова.

Дѣйствительно, Платовъ говорилъ правду: скучать Ястребову не пришлось: не проходило и дня, чтобы не было жаркой схватки съ отступившими французами, а часто были и такіе дни, когда была и не одна, а нѣсколько схватокъ.

Платовъ часмо разговаривалъ съ Ястребовымъ, видалъ неоднократно его неустрашимость и храбрость и скоро отъ души полюбилъ его и приблизивъ къ себѣ никогда не разставался съ нимъ. Платовъ всегда имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о движеніи французскихъ войскъ; эти свѣдѣнія Платову доставляли его казаки, рыскавшые по всѣмъ сторонамъ и крестьяне окрестныхъ деревень. Имѣя всегда подъ руками точныя свѣдѣнія, Платовъ нападалъ съ своими казаками на французовъ, какъ снѣгъ на голову, когда тѣ вовсе и недумали его ждать.

Оставшись на ночлегѣ въ одной деревенькѣ Платовъ съ Леонидомъ Ивановичемъ заняли одну избу; Платовъ ушелъ осмотрѣть деревню и провѣрить казачьи карауды; а Ястребовъ легъ на лавку и мечталъ о томъ, что теперь война должна скоро кончитьтя, а послѣ войны непремѣнно въ скоромъ времени состоится его свадьба. Онъ думалъ выдти въ отставку и уѣхать съ любимою женою въ свое имѣніе. Только гдѣ то теперь его невѣста? Что то

теперь съ нею? Эти мысли не давали Ястребову покоя и часто среди безмолвной, тихой ночи вскакивалъ Ястребовъ отъ тревожныхъ сновидѣній.

Приходъ атамана Платова заставилъ Ястребова прекратить свои мечтанія.

— Ну, Леонидъ Ивановичъ, теперь спите, а ночью у насъ потѣха будетъ порядочная,— сказалъ Платовъ, входя въ избу.

— Что такое?

— Сейчасъ подвернулся ко мнѣ одинъ крестьянинъ изъ деревни Акуловки (Акуловка, онъ сказываетъ отсюда верстъ 5 будетъ), крестьянинъ этотъ и шелъ нарочно, чтобы отыскать меня. Засѣло у нихъ въ деревнѣ много французовъ, деревня небольшая, крестьянъ мало; убѣжали они въ лѣсъ, и оттуда временами тревожатъ врага; а совсѣмъ выгнать не въ силахъ. Вотъ и зовутъ туда казаковъ. Сегодня къ полночи надо быть въ Акуловкѣ. Имъ тамъ мужички хорошую ловушку устроили; наше дѣло только напасть, да повыгнать французовъ изъ избы, а могилу французы себѣ сами найдутъ!

— Какъ же такъ,—удивился Ястребовъ.

— А видите, за деревней протекаетъ рѣченка, такая рѣчевка, что ее и курица въ бродъ переходитъ; а повыше-то деревни, на рѣчкѣ стоитъ мельница. Какъ только мѣ загонимъ французовъ, такъ мужички плотину спустятъ. А говорятъ отрядъ порядочный, да и плѣнныхъ нашихъ тамъ много!

— Но какъ же плѣнные? Вѣдь и они, пожалуй, могутъ утонуть.

— Ну, объ этомъ мы тоже подумали. Макаръ, такъ звать того мужичка-то, который пришелъ

ко мнѣ, такъ Макаръ плѣннымъ-то уже щепнулъ про это и они будутъ осторожны.

— А вы, атаманъ знаете эту Акуловку?

— Да и знать мнѣ не надо, я Макара оставилъ съ вами онъ насъ и поведетъ. Спите! Скоро выступимъ.

Леонидъ Ивановичъ въ послѣднее время такъ привыкъ къ частымъ сраженіямъ и схваткамъ съ непріятелемъ, что не заставилъ себя долго упрашивать и скоро богатырски уснулъ на голой лавкѣ, не имѣя ничего въ головахъ.

Около полуночи его разбудилъ окликъ Платова:

— Вставайте, пора! Ужъ наши на ногахъ!

Ястребовъ быстро вскочилъ, протеръ рукою глаза и вышелъ на улицу, Тамъ было большоо оживленіе: нѣкоторые уже совсѣмъ были готовы и сидѣли на коняхъ., нѣкоторые только приготовлялись садится и снимали съ лошадей овсяныя торбочки. Скоро къ крыльцу домика занимаемаго Платовымъ, подвели двухъ осѣдланныхъ лошадей одну для Платова, другую для Ястребова. Ястребовъ опять вошелъ въ избу и одѣвшись вышелъ вмѣстѣ съ Платовымъ, казаки уже всѣ построились.

— Съ Богомъ! сказалъ Платовъ и перекрестился Его примѣру послѣдовали всѣ казаки и отрядъ тронулся къ деревнѣ Акуловкѣ.

Рядомъ съ Платовымъ ѣхалъ на тощей крестьянской лошадкѣ и проводникъ, акуловской крестьянинъ Макаръ.

Къ деревнѣ на рысяхъ подъѣхали въ какихъ нибудь полчаса: мѣстность была очень удобна для скрытія отряда, такъ какъ Акуловка съ двухъ сто.

ронъ окружалась порядочными пригорками за однимъ изъ которыхъ и спрятались казаки.

Платовъ подозвалъ къ себѣ Макара и спросилъ его:

— А далеко-ли здѣсь до мельницы?

— Да рукой подать, отвѣчалъ тотъ: полуверсты, больше не будетъ! при этомъ онъ показалъ рукой въ ту сторону, гдѣ находилась мельница.

— Такъ ты сейчасъ отправляйся туда и скажи своимъ, чтобы они какъ только услышатъ выстрѣлы, такъ и опустили бы воду. Чтобы не медлили. А спустивте воду, бѣгите въ деревню, можетъ еще на что нибудь пригодитесь.

Макаръ почему то спрыгнулъ съ лошади и не поѣхалъ а побѣжалъ къ мельницѣ. Платовъ же велѣлъ казакамъ подняться на пригорок . Какъ только они въѣхали на пригорокъ, то передъ ними открылась и Авуловка лежащая какъ бы въ ложбинѣ. Въ деревнѣ виднѣлись огоньки, а среди улицы былъ разложенъ костеръ.

— Вотъ черти то, ругались казаки: чего они огонь разложили, если имъ христіанской деревни не жалко спалить: хотя бы себя то поберегли; вѣдь этакъ васъ кто угодно примѣтитъ.

Платовъ прямо съ горки же кинулся съ казаками во весь свой въ эту кучку французовъ, которая сидѣла у костра. Этихъ французовъ перебили всѣхъ почти что безъ сопротивленія; но остальные французы, выбѣжавъ изъ избы и догадавшись въ чемъ дѣло, не растерялись и выстроившись въ другомъ концѣ улицы въ боевой порядокъ, храбро встрѣтили нападеніе казаковъ. Очевидно французы, не зная числа казаковъ, не думали сражаться

и желали лишь отступить въ порядкѣ безъ большихъ потерь. Казаки насѣдали на французовъ, а они пятились по дорогѣ, по направленію къ рѣкѣ, рѣчка во всю ширину была занята французами, какъ вдругъ массою хлынула отпущенная вода и французы скрылись подъ нею, неуспѣвшіе же еще войти въ рѣку были или перебиты или взяты въ плѣнъ. Все это продолжалось очень недолго; такъ что Платовъ отдалъ приказаніе казакамъ остаться ночевать тутъ же въ Акуловкѣ.

Леониду Ивановичу теперь не спалось и онъ отъ нечего дѣлать сталъ бродить по деревнѣ; въ деревнѣ часто попадались ему крестьяне, съ которыми онъ разговаривалъ о томъ, какъ напали на нихъ французы. Въ разговорѣ съ однимъ изъ крестьянъ Ястребовъ услышалъ слѣдующее: „намъ то еще ничего, а каково вотъ тѣмъ, что у нихъ въ плѣну была. Бѣга всѣ оборванные и голодные“.

Ястребовъ только тутъ вспомнилъ, что въ деревнѣ должны находиться русскіе плѣнные.

— А гдѣ же они тутъ?.. спросилъ онъ у крестьянина.

— А вонъ тамъ, въ третьей избѣ съ конца.

— Теперь, небось, они еще спятъ?

— Куда имъ спать? говорю, голодные, наши имъ теперь ѣсть понесли.

Ястребову захотѣлось пойти провѣдать плѣнныхъ Не торопясь дошелъ онъ до избы, дверь въ нее была почти что открыта, и Ястребовъ, войдя въ избу, увидѣлъ, что она биткомъ была набита плѣнными, почти что полураздѣтыми. Оглядѣвшись немного Ястребовъ подошелъ къ одному изъ нихъ, который какъ видно, уже поѣлъ, такъ какъ стоялъ около печки и покуривалъ трубку.

— Откуда ты?—спросилъ Ястребовъ.

Тотъ молча глядѣлъ на него, ничего не отвѣчая. Ястребовъ повторилъ свой вопросъ.

— Погромче, баринъ, погромче,—сказалъ плѣнный, тугъ я сталъ на ухо то:—французъ проклятый прикладомъ оглушилъ.

— Откуда, я, говорю, ты?—уже закричалъ Ястребовъ.

— Дальній, баринъ, самарскій я; жилъ съ господами въ Москвѣ. Господа то уѣхали на родину, а меня оставили стеречь домъ; ну вотъ и попался я французамъ.

Ястребовъ началъ разспрашивать, каково ему жилось въ плѣну, сильно ли его обижали французы. Разговаривая съ глухимъ, Ястребовъ принужденъ былъ говорить громко, почти что кричалъ. На его крикъ, расталкивая толпу сталъ пробираться одинъ изъ плѣнныхъ, находившихся въ противоположномъ углу избы.

— Батюшка, Леонидъ Ивановичъ, васъ ли я вижу? Вотъ привелъ Господь увидѣться.

Ястребовъ поднялъ глаза на говорившаго и съ удивленіемъ, а отчасти и безпокойствомъ, замѣтилъ, что передъ нимъ стоялъ Николай Павловичъ Варенцовъ, управляющій имѣніемъ Грибкова Варенцовъ былъ одѣтъ прилично, но сапогъ у него не было, и онъ стоялъ передъ Ястребовымъ въ однихъ чулкахъ.

— Николай Павловичъ!—вскричалъ Ястребовъ и крѣпко обнялъ стараго знакомаго.

— Я! я самый есть!—говорилъ сквозь слезы Варенцовъ.

Они вышли въ сѣни, сѣли на опрокинутую кадку стоявшую тутъ. И Ястребовъ засыпалъ Варенцова вопросами.

— Погодите, погодите,—отвѣчалъ Варенцовъ.—дайте немного одуматься. я вамъ все по порядку разскажу: веселаго мало.

Ястребовъ невольно измѣнился въ лицѣ.

— Павелъ то Константиновичъ, началъ немного спустя Варенцовъ,—еще какъ только взяли Смоленскъ то собралъ ополченіе и ушелъ съ ними въ армію. Намъ наказалъ собраться и ѣхать въ Москву; не успѣли мы съ барынями во время выбраться. да это еще не бѣда, французы какъ шли на Москву, оставили ваше имѣніе въ сторонѣ, такъ мы въ Ковровѣ ни одного француза не видали и обидъ никакихъ не терпѣли. А какъ пошли французы изъ Москвы, то наткнулись и на Ковровo, засѣли теперь въ барскомъ домѣ и хозяйничаютъ тамъ по своему. Барынь на манеръ плѣнныхъ держать и никого къ нимъ не допускаютъ. Я прослышалъ, что здѣсь недалеко Атаманъ Платовъ съ своими казаками вотъ и отправился къ нему: думалъ онъ выручитъ, да самъ вотъ третьяго дня и попалъ тоже къ французамъ. Обижать они меня пока не обижали а сапоги, какъ видите сняли. Какъ бы намъ Леонидъ Ивановичъ, выручать теперь нашихъ барынь?!

Но Варенцовъ, предлагая этотъ вопросъ Ястребову, а тотъ и самъ уже думалъ объ этомъ. Онъ вскочилъ и сказалъ порывисто Варенцову:

Идемте сейчасъ же къ Платову

Платовъ спалъ раскинувши ь на лавкѣ, но напрасно! Ястребовъ былъ до того взволнованъ, что не постѣснялся разбудить его, хотя и зналъ хорошо, что отдыхъ атаману необходимъ.

Что такое? что такое?—засуетился спросонья Платовъ, ему показалось, не сдѣлали ли французы нападенія.

Успокойтесь атаманъ, ничего! взволнованно и поспѣшно началъ говорить Ястребовъ; разсказавъ ему все, что онъ слышалъ отъ Варенцова, добавилъ, что Елена Павловна его невѣста и онъ готовъ сейчасъ же ѣхать въ Коврово, если Платовъ дастъ ему казаковъ.

Къ ужасу Ястребова Платовъ задумался и сказалъ.—нѣтъ, Леонидъ Ивановичъ, казаковъ я вамъ не дамъ.

— Бога ради,—закричалъ Ястребовъ,—я на колѣняхъ буду молить васъ объ этомъ.

— Погодите, погодите экій вы торопливый. Вы послушайте прежде, что я скажу вамъ. Теперь Коврово лежитъ на дорогѣ главнымъ французскимъ силамъ, объ этомъ я уже увѣдомленъ доподлинно. Мы не знаемъ, сколько теперь тамъ французскаго войска и когда туда придетъ новое войско. Напасть не бѣда, да что толку, если и себя погу-

бимъ и барынямъ вашимъ никакой пользы не принесемъ. Надо придумать что нибудь другое.—Платовъ сказалъ это и облокотивъ рукой на столъ, опустилъ на нихъ свою мощную голову. Долго находился онъ въ такомъ положенiи, наконецъ, поднялъ голову, тряхнулъ ею и весело сказалъ Ястребову: Вы за француза можете сойти?

— Какъ сойти?—спросилъ, не понимая, Ястребовъ.

— Да такъ, если бы я нарядилъ васъ въ французскую форму, да отправилъ къ нимъ, не догадались бы они, что вы русскiй? Какъ вы говорите то по французски?

— О,—воскликнулъ Ястребовъ, я по французски говорю нэ хуже какъ и по русски. По разговору меня не отличить отъ настоящаго кровнаго француза.

— Ну, тогда и дѣло въ шляпѣ. Погодите немного тутъ! съ этими словами Платовъ вышелъ изъ избы. Спустя минутъ пятнадцать, Платовъ вошелъ въ избу въ сопровожденiи казака, который несъ форменное французское офицерское платье.

— Давай ка рядиться? - сказалъ Платовъ Ястребову и подалъ одну кучку платья ему, сталъ одѣваться и самъ. Скоро оба они были одѣты французскими офицерами и ѣхали по направленiю къ Коврову.

Платовъ объяснилъ Ястребову, что они должны ѣхать прямо къ французамъ и тамъ надо узнать

много ли ихъ въ Ковровѣ и когда придутъ въ Коврово слѣдующія войска. Казаки слѣдовали въ верстѣ за ними. Подъѣхавъ версты за двѣ до Коврова, Платовъ приказалъ казакамъ остановиться, оставилъ съ ними и Варенцова, а самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Ястребовымъ въ господскій домъ Грибковыхъ. Вотъ они уже подъѣхали къ селу и на окликъ часового Ястребовъ спокойно отвѣтилъ: «свой“. Часовой, приглядѣвшись и увидавъ, что ѣдутъ офицеры, отдалъ имъ честь.

Они проѣхали всю деревню и выѣхали на другой конецъ и увидали, что господскій домъ былъ ярко освѣщенъ. Сильно забилось сердце Ястребова при видѣ этого дома и онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы не выдать себя. Подъѣхавъ къ дому они ничего не отвѣтили на вопросъ часового который спрашивалъ у нихъ пароль. Ястребовъ замѣтивъ одного ничего не дѣлавшаго французскаго солдата, крикнулъ ему:

— Подержи лошадь, мы скоро выйдемъ!

Они вошли въ нижній этажъ дома и въ первой же комнатѣ увидали группу французскихъ офицеровъ, расположившихся на полу. Одни изъ нихъ играли въ карты, другія курили и занимались разговорами, около нѣкоторыхъ стояли бутылки.

— Господа, да вамъ тутъ недурно, чортъ возьми! Нѣтъ вы подумали бы каково намъ, съ утра, почти цѣлыя сутки не ѣвши, не пивши, да на холоду. Не дадите ли покурить?! одинъ изъ французскихъ

офицеровъ предложилъ имъ папиросъ, а другой подалъ бутылку и стаканъ.

— Да теперь недурно и выпить, послѣ этакой прогулки. Наши переряженные офицеры налили себѣ по стакану вина и дѣйствительно выпили съ удовольствіемъ.

— Не видали-ли, господа,— началъ Ястребовъ, послѣ того, какъ выпилъ и затянулся табачнымъ дымкомъ,— Не видали ли вы, не проходилъ ли тутъ третій драгунскій полкъ, мы его ищемъ и не можемъ найти?

Французскіе офицеры переглянулись и отвѣчали что они ничего не слыхали о третьемъ драгунскомъ полку.

— Чортъ возьми, придется ѣхать опять, закричалъ недовольнымъ голосомъ Ястребовъ. — Да у васъ тутъ спокойно? спросилъ онъ, казаковъ поблизости нѣтъ. Какъ бы имъ въ лапы не попаться.

— Видите, отвѣчалъ ему одинъ офицеръ, мы и сами этого побаиваемся; насъ тутъ былъ отрядъ тысячъ въ пять, сегодня утромъ отрядъ этотъ выступилъ далѣе и насъ всего здѣсь двухсотъ не наберется. А другія войска какъ мы уже вѣрно знаемъ, ранѣе какъ завтра не подойдутъ, говорятъ тутъ рыскаетъ знаменитый казачій отрядъ Платова.

Только это и надо было узнать нашимъ молодцамъ отъ французовъ. Они распростились съ французами, вышли на крыльцо, сѣли на лошадей которыхъ имъ подалъ тотъ же французскій солдатъ и птицами полетѣли къ остальнымъ казакамъ.

— Такъ-то вотъ, Леонидъ Ивановичъ, лучше будетъ! Теперь и выручимъ нашу зазнобушку! — смѣяся Платовъ.

Мигомъ построены были казаки и понеслись ураганомъ на французовъ Недолго продолжалась горячая схватка, скоро французы были разбиты а дамы Грибковы угощали уже въ гостинной своихъ спасителей. Ястребова и Платова, а Николай Павловичъ хлопоталъ объ угощеніи казаковъ, не жалѣе добра, благо французамъ не пришлось имъ пользоваться.

Русскіе побѣдоносно прогнали враговъ Россіи. Они внесли оружіе въ самую Францію и взяли столицу Франціи, Парижъ. Наполеонъ, погубившій ради своей гордости и честолюбія, столько человѣческихъ жизней, былъ сосланъ на необитаемый островъ св. Елены.

Павелъ Павловичъ остался служить въ гвардіи, получилъ значительное повышеніе. Павелъ Кон-

стантиновичъ значительно постарѣлъ и проводилъ время разговаривая о быломъ съ Варенцовымъ, да радуясь на молодыхъ Ястребовыхъ, такъ какъ по желанію тестя и тещи Леонидъ Ивановичъ не уѣзжалъ въ свое имѣніе, а остался жить вмѣстѣ съ ними до ихъ смерти.

Леонидъ Ивановичъ, Елена Павловна всегда съ любовію и благодарностью вспоминали о героѣ атаманѣ казаковъ Платовѣ.

Конецъ.

